

Григорий Шаргородский

УКРОТИТЕЛЬ

ЗАЩИТНИК МОНСТРОВ

Григорий Константинович Шаргородский Укротитель.

Защитник монстров Серия «Укротитель», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8741061

Альфа-книга;

Аннотация

Кто ищет, тот всегда найдет, но не обязательно то, что хочет.

Владислав Воронов – «попаданец» и поводырь магических зверей – искал возможность занять достойное место в новом мире, а нашел безумные приключения на усеянном смертельными ловушками острове и вражду со стороны ордена религиозных фанатиков. Вдобавок ко всему ему пришлось взять под свою защиту боевых монстров, которые оказались под угрозой истребления.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	68
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Григорий Шаргородский

Укротитель.

Защитник монстров

Пролог

Темные, практически черные стены были покрыты не только затейливыми рельефными изображениями, но и чуть светящимся налетом – картинка не то чтобы особо нереальная, но в повседневной жизни обычному землянину такого не увидеть. Как не увидеть и не менее настораживающего вида растительность, пробивающуюся на свет через стыки между плитами тротуара, и стискивающих каменные колонны колючих лиан.

Стены двух— и трехэтажных домов небольшой улочки были покрыты иероглифами в сочетании со странной вязью, причем в том, что это тоже какая-то письменность, сомнений не оставалось. И если японские иероглифы я узнал сразу, то с опознанием вязи были серьезные проблемы.

Вообще-то обстановка не располагала к занятиям палеографией, но взгляд почему-то постоянно возвращался к этим надписям.

Внезапно по ушам ударил рокочущий звук, тут же мол-

ниеносно переросший в оглушающий рев. Раскидав массивные каменные блоки, словно тюки сена, в поле моего зрения появилась жуткая морда абсолютно фантастического монстра.

Все размышления о древних надписях стайкой покинули мою голову, и я, прыгая по поваленным колоннам и рассыпавшимся на груды камней остаткам стен, попытался убежать от кровожадной твари. Это «соревнование» было изначально проигрышным – чудовище оказалось стремительнее любого олимпийского чемпиона, и у меня оставалось лишь пара секунд. Внезапно взгляд зацепился за провал в мостовой, но облепившие края пролома растения да и сама черная дыра не вызывали ни малейшего доверия, поэтому я пробежал мимо, чтобы через секунду почувствовать, как на моих плечах смыкаются огромные челюсти.

– А-а-а!!!

Резкий рывок еще больше раскачал гамак, и меня шмякнуло о доски борта.

Опять эти сны! Самое печальное, что к ним следовало относиться очень внимательно – ведь приснились же мне у костра посреди брянских лесов мои будущие питомцы из другого мира и даже битва, в которой я заслужил дворянское звание.

Так что над приснившимся следовало поразмыслить. Почему монстр во сне напугал меня меньше развалин и странной растительности вкупе с черным провалом? Меньший

страх в отношении зверя был объясним – за прошедший год каких только жутких и до неприличия зубастых морд мне не пришлось созерцать. После не совсем добровольного переселения в мир иной – к счастью, очень даже реальный, а не потусторонний – моя вновь приобретенная профессия обязывала к близкому общению с чудовищами. С одной стороны, для человека, выросшего в семье циркового дрессировщика, в этом нет ничего удивительного, да только рядом с моими новыми подопечными грозные львы и тигры кажутся пугливыми котятами.

В новом мире я нашел и друзей, и врагов, разочаровывался и мечтал, спасал жизни и убивал. Даже успел обзавестись татуировкой на виске, говорящей всем вокруг, что перед ними дворянин – эрл, или боярин, кому как привычнее говорить в этом довольно оригинальном королевстве. Брадар был создан на основе объединения двух народов – кельтов и славян, отсюда и некоторые языковые, а также поведенческие нюансы.

Наряду с везением были и неудачи. За спасение принца меня сделали дворянином, но во время не такой уж долгой войны я потерял четырех бни – магически выведенных существ необычайной силы и очень жуткой наружности. И вот теперь мне как дворянину приходилось искать себе нового питомца, причем самостоятельно, потому что забота бывших коллег из корпуса поводырей мне не светит. И чтобы заполучить нового питомца за приемлемые деньги, придет-

ся поближе познакомиться с островом Хоккайдо – бывшим жилищем японских переселенцев и их компаньонов яхнов. Все бы ничего, но пару сотен лет назад маги-яхны что-то там намудрили, и теперь Хоккайдо представляет собой одну сплошную магическую ловушку, населенную одичавшими бни. Нихонская столица погибла моментально, и в ее останках все еще скрывались несметные сокровища, за которые безумцы со всего континента платили своими жизнями.

Меня сокровища особо не интересовали, но если кроме яйца того же хидоя или на крайний случай ковая удастся раздобыть защитный амулет яхнов, будет очень неплохо.

Насколько реальными были мои планы, я узнаю только через два дня, когда этот проклятый всеми богами кораблик доберется до острова. Новый мир открыл во мне много нового – оказалось, что я способен силой мысли управлять магическими животными, а кроме того, абсолютно не переношу качки. Что поделаешь, у всего есть обратная сторона и, получив большую плюшку, следует внимательно оглядываться в ожидании серьезной оплеухи, которой затейница-судьба уравнивает положение вещей во вселенной.

Глава 1

Мародер

Увы, ясность с моим делом не пришла, даже когда корабль добрался до острова, не пришла она и на следующий день.

Хоккайдо встретил меня хоть и фантазмагорическими, но прекрасными видами, новыми открытиями и кучей проблем. Люди так и не рискнули обосноваться в порту единственного большого города на острове. В хорошо защищенной от штормов бухте образовался плавучий остров из нескольких разнокалиберных судов, намертво скрепленных друг с другом. Эдакий «Остров погибших кораблей». Наше судно причалило к импровизированному пирсу, который когда-то был длинной, низко сидящей галерой. Я наконец-то ступил на твердую поверхность, если можно так сказать. Благодаря огромной массе Корабельный Остров – именно так называлось обиталище мародеров – можно было назвать незабываемой твердью.

Честно говоря, в первый момент я растерялся – мало того что не имел ни малейшего понятия о порядках на Острове, так еще и встречающие новичков подозрительные личности, рассмотрев мою татуировку, шарахнулись в стороны, как от чумного. Впрочем, возможно, это и к лучшему.

Преодолев невольный приступ нерешительности, я пере-

шел к действиям.

– Эй ты!

Серебряная монетка мелькнула в воздухе и исчезла в кулаке рабочего пристани, который моментально превратился в самое радушное существо на свете.

– Слушаю, благородный эрл, – откликнулся рабочий на брадарском языке, хотя и с аравийским акцентом.

Хм, они еще и в дворянских татуировках разбираются...

Я еще раз осмотрелся – после войны у меня сложилось предвзятое отношение к арабам, но все остальные посетители галеры-пристани вызывали еще меньше доверия, если оно вообще было возможно.

– Проводи меня в ближайшую таверну с комнатами для приезжих и отпросись у начальства на пару мер времени.

Процесс «отпрашивания» занял не больше секунды. Моя монета переключалась в руки старшего на пристани. Рабочий не особо расстраивался, потому что вполне справедливо предполагал, что сумеет заработать еще. Причем серебро здесь явно никого не удивляло, а это плохо.

Если бы где-то имелся план Острова, то на нем четкими линиями были бы нанесены лишь две главные улицы: Якорная и Канатная. Улицы тянулись как минимум на километр каждая и размещались перпендикулярно друг к другу. Но это только на плане. В реальности передвигаться по этим «проспектам» приходилось как по джунглям. Палубы кораблей находились на разных уровнях, а сами судна не всегда

соприкасались друг с другом бортами и имели навесные переходы. И чем дальше от центра, тем мельче становились суда-понтонны, доходя до скрепленных гнилыми канатами лодок и плотиков. С другой стороны, по такому поселению никто не собирался ездить верхом или в карете, а пешеходам и так все нравилось.

Сам бы я в этой мешанине мостиков, канатных лестниц и палуб, размещенных под разными углами наклона, заблудился моментально, так что идея с проводником оказалась очень разумной.

Самым уважаемым местом на Острове была таверна «Пьяный краб». Хотя, судя по вывеске, краб был скорее вареным, чем пьяным, но это уже нюансы. «Краб» когда-то был довольно большим военным судном, явно нихонской постройки. Шикарное оформление предопределило судьбу навсегда лишённого возможности бороздить океанские просторы корабля, и он стал не жильём для мародеров, а гостиницей для богатых искателей неприятностей на свою пятую точку. Именно за такого идиота меня и принял рабочий пристани по имени Малик.

Обширный трюм корабля имел дощатый пол, на котором разместились полтора десятка больших столов. Барная стойка находилась в противоположном от входа конце вытянутого помещения. Все это благолепие освещали пара магических светильников и жировые лампы.

Сидящие за столами люди и все те, кого мы с Маликом

встретили по пути в таверну, имели довольно колоритный вид. Честно говоря, я ожидал встретить на Хоккайдо либо эдаких сталкеров, или в крайнем случае пиратов, но увидел соединение крайностей – часть мародеров напоминали восточных богатеев, а часть – откровенных бомжей. Причем никаких мерзких запахов и зачуханного вида не было – казалось, что тусклое тряпье на этих людях имело свой сокровенный смысл.

Я был одет в стилизованный под наряд королевских звероловов кожаный костюм и сильно выделялся на общем фоне. Несколько откровенно враждебных взглядов подтверждали предположение о том, что я не в «тренде».

Ладно, с этим разберемся позже, а сейчас – информация.

По завету графа Калиостро, лучше всего иметь дело с тем, кому от тебя ничего не нужно, ну кроме вознаграждения. Малик выглядел достаточно незаинтересованным, хотя его чуть узкоглазое лицо с изрядной примесью аравийской крови напоминало мне погибшего от моей руки Неждана. Царство ему небесное, пусть он и был убийцей и предателем.

– Закажи пива и чего-нибудь поесть, – осмотревшись, сказал я Малику и направился к ближайшему свободному столику.

Немного утолив жажду и голод принесенной Маликом запеченной рыбой, я перешел к расспросам:

– Малик, мне нужно купить яйцо бни. Знаешь, что это такое?

– Конечно, – отмахнулся юноша, – здесь все знают, кто такие чудовища и их яйца. Этим и живем.

– Ты так говоришь, будто сам ходишь на берег...

– Нет, – без малейшего смущения ответил Малик. – Страшно. Назад возвращается один из десяти. Когда-нибудь, конечно, пойду, а пока мне и на пристани неплохо. Мародеры после рейдов хорошо гуляют, так что мой хозяин без риска богатеет сам и хорошо платит своим людям.

– Так что там насчет яиц?

– Все торговцы с материка идут либо к Билялу по прозвищу Палка, либо к Мазиду Три Пальца.

– Это все?

– Нет, конечно, Остров большой, и торговцев много, но остальные просто не стоят вашего внимания.

– И то, что они оба – аравийцы, не имеет ни малейшего значения? – хмыкнул я. – Кстати, кто из них твой хозяин?

– Билял, – чуть смутившись, сказал Малик. Посмотрев на меня, он понял, что если хочет получить достойное вознаграждение, то стоит быть откровеннее. – Есть еще Светозар Кривой, также можно попробовать купить яйца у самих мародеров. Только это без гарантии. Торговцы проверяют товар у мага и только после этого перепродают.

– У вас здесь и маг есть? – удивился я.

– Да, Мазид, – нехотя сказал мой информатор и тут же добавил: – Но на цену это не влияет. У моего хозяина можно купить даже дешевле.

Пока я переваривал информацию, Малик доел рыбу и всем своим видом показывал, что ему мало. В полупустой кувшин он заглянул с не меньшей тоской, но получил деньги только на еду.

По большому счету самую важную информацию из того, что знал сам, он уже выдал, а судя по появившейся неуверенности в его повествовании, в делах закрытой касты мародеров парень не сильно-то и разбирался.

Послушав его еще минут двадцать, я наградил Малика золотой монетой и отправил восвояси, а сам направился к стойке трактира проверять услышанное. Похожий на медведя хозяин заведения и по совместительству бармен в основном подтвердил услышанное мной, только добавил, что хозяин Малика – жадная крыса и богатеет только потому, что перепродает артефакты и яйца бони родичам в аравийском эмирате. Верить этому разоблачению или нет – покажет время, а пока мне хотелось нормально выспаться на кровати, а не в качающемся гамаке.

В насквозь пропитанном солеными брызгами заведении и порядки были морскими, так что за комнату не с гамаком, а с обычной кроватью мне пришлось даже доплачивать. Гостиничная часть таверны находилась на соседнем судне – довольно шикарном «пассажире». Мне досталась довольно обширная для корабельной каюты комната с кроватью, столом и даже платяным шкафом, вдобавок к двум сундукам. Вещей у меня было немного, так что в сундук отправился лишь

рюкзак с вещами. Наплечная сумка с деньгами легла под подушку, а разобранный нагинат, как верная подруга, расположилась рядом на постели.

Как я и подозревал, следующий день особой ясности не внес. Поход по торговцам закончился разочарованием – цены кусались и были не намного меньше, чем у поставщиков, доставляющих яйца королевским поводырям в Ониборг. Трех тысяч золотых за яйцо ковая у меня не было. Насчет хах-ковая или хидоя я даже не спрашивал. Так что пришлось перейти к неприятной части плана – вылазки на остров, и с этим все было очень непросто. Нет, отправиться в порт Хоккайдо можно в любую минуту, просто заплатив пару серебряшек лодочнику, но что-то мне подсказывало, что проживу я там ровно до второго взмаха весел уплывающего обратно транспорта. Поэтому нужны связи с теми, кого здесь вполне заслуженно называют мародерами – местный вариант сталкеров, хотя как раз это слово им подходило меньше всего, потому что выслеживают и преследуют как раз их самих. Делают это магические животные бони, а на что способны эти «миленькие» зверушки, я знал не понаслышке.

Увы, ни этот день, ни следующий ясности так и не принесли. В сбивающиеся из новичков группы мародеров меня принимали с распростертыми объятьями, но вот как раз ширина этих объятий и смущала. По словам того же Малика, процент смертности у таких новобранцев был просто невообразимым – из сотни новичков выживали единицы. Но эти

единицы возвращались домой относительно богатыми, поэтому год за годом государства континента от диких лесных жителей до арабов и брадарцев исправно пополняли ряды смертников.

Вокруг этого буйства смерти кормилось множество стервятников: торговцы яйцами и артефактами, содержатели таверн и рекрутеры, встречавшие новичков еще на пристани и распределявшие их по командам мародеров. Именно с ними я и общался, пытаюсь нащупать самый безопасный вариант получения яйца с минимальной ценой и с максимальной безопасностью для себя. Серьезных рекрутеров, в отличие от всякой шушеры на пристани, моя дворянская татуировка совершенно не смущала – похоже, богатеньких искателей приключений здесь хватало. Возможно, заинтересовал статус поводыря и задатки укротителя, но раскрываться перед этими стервятниками я не собирался, а вот с главами поисковых партий меня соглашались познакомить только после подписания договора – чистой воды продажа кота в мешке.

Что ж, зайдем с другой стороны.

– Граннус, – обратился я к медведеобразному владельцу таверны, скучавшему за стойкой по причине утреннего отсутствия клиентов, – вот ты – человек опытный и наверняка много знаешь...

В ответ на грубую лесть бородатый кельт только хмыкнул:

– Так-то оно так, но даже мне известно не все. Мародеры – закрытая каста, и за вход в нее приходится платить риском.

Лишь тот, кто хоть раз ступал на Черный Пирс, начинает получать информацию от *капитанов*. – Последнее слово Граннус произнес со значением и, чтобы было понятно даже самому тупому гостю, добавил: – Но даже то, что известно мне, дорого стоит.

Теперь уже я хмыкнул и катнул по столешнице один из золотых кругляшей, которых, кстати, в моем кошельке осталось не так уж много.

– И кто же эти капитаны? Что-то я не видел здесь самостоятельно плавающих кораблей.

– Капитаны – это те, кто водит команды в город. Только у них есть «лоции». – Граннус вновь выразительно шевельнул бровями.

– Только не надо корчить загадочные гримасы. Для тебя есть еще один золотой, который ты не получишь, если я не услышу чего-то интересного. Не нравится такая цена – можешь продать свой рассказ кому-нибудь другому. И мне кажется, что такой идиот здесь только один и у него уже заканчивается терпение.

– Хорошо, – шумно вздохнул кабатчик. – Первыми на остров высадились пираты. Отсюда и морская тематика. Капитаны водят команды в город и обмениваются между собой информацией, которую заносят в «лоции».

– Как встретиться с капитаном?

– Только через рекрутеров.

– Не вариант, уже пробовал. А есть кто-то доступный, но

знающий хоть немного больше тебя?

– Всех, кто идет в первый раз, называют «рыбой». Выжившие переходят в «матросы». Можешь найти такого, но там все строго, и они будут молчать.

Граннус выдал театральный вздох.

– Может, все-таки без прелюдий?

– Хорошо, – трактирщик стал абсолютно серьезен. – Десять золотых.

– Пять – и поверь мне, это лучше чем ничего.

– Семь.

– Шесть.

– Ладно, – кивнул кабатчик и тут же дернул подбородком, указывая в глубь зала. – За дальним столом сидит араб. Его зовут Али.

– Просто Али? Арабы обычно более велеречивы.

– Просто Али, и не советую спрашивать больше. Были уже любопытные, а теперь их нет, – загадочно улыбнулся Граннус.

– Ладно, родовое имя этого человека меня интересует меньше всего. Почему именно он?

– Али появился здесь около года назад. Как и ты, он задавал много вопросов, но, в отличие от тебя, нашел подход к одному из капитанов. Не знаю, что там было, но Ибрахим по прозвищу Золотой сразу сделал его своим «матросом». Возможно, потому, что они земляки, возможно, за какие-то другие заслуги, но в первый свой выход Али пошел не в ка-

честве смертника-«рыбы».

– Тогда почему он сейчас квасит в твоём гадючнике, а не купается в золоте?

– Из того выхода Ибрахим вернулся с половиной «матросов» и совсем без добычи. Про «рыб» и говорить нечего, все остались там.

– Ты считаешь, что Али виноват в неудаче Ибрахима?

– Точно не знаю, но люди Золотого пытались его убить, да только у них нечего не получилось. Али сумел отбиться от убийц, он еще добрался до капитана и, приставив нож к горлу, заставил дать клятву примирения. А как ты сам знаешь, арабы клятв именем своего бога не нарушают.

Я этого не знал, но все же кивнул. Возможно, и на Земле арабы тоже такие честные, но что-то подобный факт не стал притчей во языцех. Наверное, в этом мире что-то заставило этот народ чтить клятвы с особым рвением.

– Теперь Али стал изгоем, и никто не хочет иметь с ним дел, так что у тебя есть шанс. – Кабатчик сделал загадочное лицо, показывая, что оплаченный разговор закончен.

– Эта информация не стоит шести золотых. Максимум четыре, – с легким раздражением сказал я, чувствуя, что кабатчик припас некий козырь.

– Поговаривают, что Али – поводырь. – Эту фразу Граннус произнес буквально шепотом. – Так же, как и ты.

– Дай угадаю, – хмыкнул я, – ты узнал об этом по едва уловимым признакам в лице и походке?

Трактирщик торжественно улыбнулся.

– Или просто он, как и я, начал расспросы с цен на яйца
бони?

Граннус поскуачел, но улыбка вернулась на его лицо, как только на столе заблестели золотые гривны.

Прихватив кувшин вина из водорослей, я направился в дальний конец зала-трюма.

– Уважаемый вой говорит на брадарском? – спросил я, хотя перед этим узнал все, что нужно, у кабатчика.

– Говорит, – раздраженно ответил араб в дорогом, но изрядно потрепанном наряде аравийского стиля. В нем он был чем-то похож на Синдбада Морехода из мультика. Постаревшего, спившегося, абсолютно лысого Синдбада. Судя по гримасе араба, он сразу хотел отшить меня, но взгляд алкоголика наткнулся на кувшин. – Присаживайся, если тебе есть чем утолить мою жажду.

По-брадарски Али говорил чисто и практически не ошибался даже в построении предложений. Только легкий акцент выдавал то, что это не его родной язык. К тому же в чертах его лица явно чувствовалась славянская примесь. Так же сразу определялась арабская примесь в крови Неждана. Воспоминания о юноше, который предал меня и умер от моего клинка, отдавали горечью, поэтому я тут же прогнал их, дабы не испортить дело неприятными ассоциациями.

Первую кружку местного пойла он выпил одним залпом, а это без малого два литра. Я уже обеспокоился, что разго-

вора не получится, но, наполнив вторую кружку, Али лишь отхлебнул из нее.

– Чего надо? – без пресловутого арабского вступления спросил он.

– Информацию.

– И почему ты решил, что я буду откровенничать с тобой всего за кружку этой бурды?

– За кружку не будешь, – спокойно сказал я и тут же добавил, предвосхищая слова, готовые слететь с губ собеседника: – И за деньги тоже, потому что жизнь за золото не купишь.

– И что же ценнее золота ты можешь предложить?

– Яйцо бни. – После этих слов араб дернулся, словно от удара; пользуясь паузой, я продолжил говорить, чтобы не дать ему разозлиться: – Я знаю, что такое остаться без питомца, и не пожелаю этого даже врагу. Помоги мне – и ты сможешь себе. Мне не нужны тайны капитанов, а всего лишь подход к одному из них и информация о том, как они могут меня кинуть.

– Боюсь, в этом и состоит главная тайна капитанов, – вздохнул Али, выпуская набранный для гневной отповеди воздух. – Все, кто идет с капитаном в выход, своими телами лишь прокладывают ему путь к сокровищам. И это касается не только «рыб», но и «матросов». Я сведу тебя с Золотым. Но предупреждаю сразу, Ибрахим меня на дух не переносит. Так что может послать прямо с порога. Что касается совета,

то тебе следует стать тем, кем капитан жертвует в последнюю очередь. Кстати, шанс у тебя есть, но если ты вздумаешь обмануть меня с яйцом...

Видя, как в глазах араба разгорается безумие, я поспешил его успокоить:

– Первое яйцо мне, а второе тебе.

– Хорошо, – успокоился мой собеседник. Возможно, пообещай я ему первую добычу, он бы не поверил.

Али с тоской посмотрел на едва ополовиненный кувшин и с натугой начал вставать.

– Подожди, – остановил я араба, – еще мне нужно знать, что случилось с тобой на берегу.

– Обойдешься! – зло каркнул он.

– Не обойдусь. Я ведь не спрашиваю, как нечистокровный аравиец стал поводырем. И не спрашиваю, за что тебя изгнали из страны. Мне это неинтересно, но про все, что может случиться на берегу, хочу узнать отнюдь не из простого любопытства.

Али плюхнулся обратно на лавку и некоторое время сверлил меня взглядом, но затем все же заговорил:

– Мои учителя не говорили, что такое может быть, но как только мы добрались до логова стаи коваев и я попытался войти с ними в контакт, звери словно взбесились. В одну секунду мне удалось почуять всех зверей на полет стрелы, а они почуяли меня.

– Тогда есть ли смысл соваться туда с нашими способно-

стями? – поскучнел я.

– Есть, – тут же вскинулся Али. Похоже, он уже успел зазечь в себе надежду. – На берег ходили поводыри, и не раз. Потому-то Золотой ухватился за мое предложение, но, увы, он нарвался на ущербного поводыря. Сам того не ожидая, я вдруг стал приманкой для целой стаи диких коваев и манил их, словно огонь мотыльков. Это было жутко. Не знаю, смогу ли теперь оседлать даже хах-ковая. Но если не попробую, то точно свихнусь в этой дыре.

– А зачем тебе вообще питомец в этой, как ты сам сказал, дыре? – не удержавшись, спросил я и тут же поправился: – На этот вопрос ты можешь не отвечать.

Но Али все же ответил:

– Может, ты не знаешь, но поводырю всегда найдется место на континенте, даже за пределами Аравии и Брадара. Все, хватит языками чесать, пора делом заняться.

Я не стал спрашивать у Али, как он собирается «активировать» зародыш в яйце без хорохов, – это были его проблемы. Как обученный поводырь, он не мог не знать о таких нюансах, значит, имеет наметки. Впрочем, если все выгорит, подобной лазейкой стоит поинтересоваться.

Капитан Ибрахим по кличке Золотой обитал на аравийской галере, которая сохранила свою восточную помпезность, даже перестав быть «пенительницей морей». Мало того, роскошь расплзлась по всему кораблю, и там, где раньше воняло потом рабов-гребцов, теперь царила пропитанная

благовониями атмосфера.

Капитан обитал не в самом трюме, а в главной каюте на корме. Оценить общую обстановку мне удалось потому, что на борт мы попали не обычным путем через проходы в фальшборте, а через проем в борту. Ведущие к галере мостки шли практически над водой и ныряли в облагороженный пролом, который когда-то стал причиной перепрофилирования корабля в плавучий дом.

У пролома нас встретили три араба и после небольшой перепалки все же провели через трюм в каюту капитана.

Суть ругани Али и с ходу накинувшегося на него Золотого я не понял ввиду незнания аравийского языка. Но, поорав друг на друга, они все же перешли на брадарский. Первым это сделал Али.

– Да плевать мне на твои угрозы. Смерти я не боюсь, а на большее ты не способен, как и переступить через клятву, а там было сказано, что я могу прийти в твой дом, если будет это выгодно для тебя.

– Если ты думаешь, что плата дворянчика за самоубийство может быть выгодным делом, то ошибаешься, – со значительно большим аравийским акцентом ответил капитан.

– Он поводирь, – выложил основную карту Али.

– Такой же, как ты? – ехидно хмыкнул Золотой, но зажегшийся в его глазах интерес никак не вязался с иронией в голосе.

– Уверен, ты уже узнал, что мой дар необычен, и если не

пригодился тебе, то не значит, что он ущербен, – гордо вскинул голову Али.

Похоже, мой новый соратник еще не окончательно опустил, и в нем остались крохи гордости «владыки бни», как нашего брата называют в Аравии.

– Узнал, – дернул углом рта Золотой, – но не уверен, что готов рискнуть еще раз.

– Ибрахим, – заволновался Али, – ты сам знаешь, что оно того стоит.

От волнения акцент моего коллеги стал заметнее, а дальше два старых соперника вовсе перешли на арабский.

– Уважаемые! – не выдержал я, чувствуя, как накаляется обстановка. – Можно обсуждать мое дело так, чтобы было понятно мне? И вообще, Али, ты свое дело сделал, дальше договариваться буду сам.

Али только развел руками и вышел из каюты.

– О чем ты хочешь договариваться со мной, чужак? – спросил Золотой, усаживаясь на низкий диванчик.

– О добыче.

– Я еще не решил, хочу ли вообще брать тебя с собой.

– Решил, иначе уже давно послал бы подальше и меня и Али. Ты с ним вообще стал говорить только потому, что тебе нужен поводырь. У вас на... западе, – с трудом определился я, еще не привыкнув, что в этом мире арабы населяют не «загадочный восток», а совсем даже наоборот, – любят долгие беседы, а в Брадаре это не принято. Или ты соглашаешь-

ся, или мне предстоит разговор с другим капитаном. На тебе свет клином не сошелся.

– Ты дерзок, брадарец.

– Просто не люблю лишних разговоров. Согласен, для вашего брата это похоже на дерзость. Но все же давай поговорим об условиях.

– Я еще ничего не решил, – набычился капитан.

– Решишь без меня. – Мне действительно надоел пустой разговор. Возможно, это было ошибкой, но душная атмосфера в каюте и поведение капитана не располагали к терпению. Да и вообще, говорить стоя с сидящим человеком очень неприятно, но не садиться же на пол или рядом с ним на диване. – Мои условия. Яйцо для меня и яйцо для Али. Хотелось бы хидоя, но пойдет и ковай.

– Почему не хах-ковая? – иронично спросил развалившийся на диване капитан. – Ты представляешь, как трудно пробраться в логово стаи коваев, не говоря уже о гнезде хидоя?

– Не знаю, как для Али, но мне хах-ковай без надобности. А на лежбище здоровяков вы можете сходить и без поводыря. В общем, ты услышал мои условия. Все остальное, что добудем, оставишь себе. Думай до завтрашнего полудня. После этого у нас разговоров не будет вообще. На этом позвольте вас покинуть, и пусть Всевышний наполнит благодатью ваш дом.

С легким и немного ироничным поклоном я покинул ком-

нату.

На мой не такой уж сдержанный характер постепенно накладывалась дворянская спесь. Блин, и когда только успел заразиться снобизмом. А еще ругал за это королевских магов! С другой стороны, с нормальными людьми я по-прежнему вежлив и спокоен, так что вопрос о моей испорченности можно отложить на потом; скажем, до времени, когда появится возможность поговорить о духовном с отцом Дагдой. Воспоминание о том, как я едва не заполучил в личные духовники брадарского кардинала – главу местной христианской церкви, вызвало улыбку и немного улучшило настроение.

– Что, договорились? – От нетерпения у Али начала дергаться щека.

– Думаешь, после ваших воплей он способен договариваться? Нет, я высказал свои условия, а решать он будет, когда остынет.

– Тут так дела не делаются.

Мы уже вышли из трюма галеры и отошли по плавучим мосткам достаточно далеко, чтобы можно было говорить, не опасаясь чужих ушей, и я немного рассказал Али о выводах, на основе которых я и строил стратегию общения с Золотым:

– Али, во-первых, такие, как Ибрахим, воспринимают уступки и уговоры как слабость. Во-вторых, даже если он боится рисковать на берегу, выбора у него все равно нет.

– Ты на Острове всего пару дней, а уже знаешь, что тво-

рится в голове у самого непредсказуемого из капитанов? – съязвил Али, но на меня это не подействовало.

– Это простая логика, Али. Ты сам говорил, что Золотой – самый опытный капитан. Значит, чаще всех ходил на берег. Почему же он сейчас не блаженствует в окружении гарема где-нибудь в центре Аравии?

– Ну... – задумался араб, – может, ему здесь нравится.

– Если бы это было так, то он бы стал торговцем, а не капитаном. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что Золотой хочет отхватить большой куш. Того, что он притащил с берега на данный момент, ему мало. Именно поэтому он и связался с тобой. По этой же причине он согласится на мои условия. Тем более что требую я не так уж много.

– А что ты попросил? – В голосе Али чувствовались любопытство и напряжение.

– По яйцу бни для тебя и для меня.

– И все? – удивился араб.

– И все. Мне здесь больше ничего не нужно. Если бы можно было купить яйцо на континенте, я бы вообще не совался на Остров.

– Но на берегу много золота и артефактов. Если ты проведешь их мимо диких бни, капитан сможет нагрести огромную кучу сокровищ, а ты... – Али даже задохнулся от возмущения и непонимания.

– А я возьму свое яйцо и уплыву домой, причем сделаю это совершенно спокойно, особенно потому, что не буду пре-

тендовать на часть этой кучи. Подумай, Али: если бы тебе было нужно золото, ты бы сейчас грабил купцов на дорогах Аравии или даже Брадара. Но почему-то ты спиваешься от безнадеги в паре полетов стрелы от берега проклятого острова. Реши, что для тебя важнее, и стремись только к этому.

Честно говоря, меня утомили все эти разговоры, поэтому я оставил Али сортировать тараканов в его лысой голове и направился на гостиничный корабль. Теперь от меня ничего не зависело – так что оставалось только есть и спать в ожидании новостей.

Посланник Золотого Ибрахима явился в обеденный зал-трюм «Краба» за десяток минут до того, как в будке на одном из кораблей-понтонных заголосил муэдзин, призывая арабскую часть жителей Острова к полуденному намазу. Время в этом странном поселении измерялось исламскими намазами, хотя арабы составляли едва ли треть общего населения. Но кельты, славяне и прочие народности сочли это удобным и ничего своего придумывать не стали. Благодаря этой системе я даже узнал, что обеденный намаз называется «зухр».

Возможно, Ибрахим думал до последней минуты; возможно, таким образом он что-то хотел мне показать, но после разговора посланнику наверняка пришлось бежать, чтобы вовремя расстелить свой молитвенный коврик. Интересно, отправляясь на берег, они тоже молятся или мародерка на Острове Смерти у них считается послаблением? Впрочем, какое мне дело до чужой религии? Важнее было то, что ска-

жет посланник Золотого.

Араб действительно спешил, поэтому говорил быстро, но так чтобы не уронить достоинство перед чужаком:

– Капитан согласился на твои условия. Выходим утром после фаджра, – засим посланник тут же удалился, не оставив мне времени на вопросы.

К счастью, стоящий за стойкой Граннус быстро объяснил, что фаджр – это утренний намаз и он будет длиться до времени, пока солнце не поднимется над морем на высоту копья.

Вот и думай теперь: копьё – это сколько?.. Впрочем, блистать вежливостью королей я не собирался, так что выйду перед рассветом, хотя очень не люблю просыпаться в такую рань.

Тут же встал вопрос, что брать с собой. С одеждой все просто – к месту пришелся кожаный костюм, стилизованный под форму королевского следопыта. Нагината не спасет от диких бни и тем более не поможет пройти магические ловушки, но с ней мне спокойнее. Для удобства я прицепил разобранный на трость и меч оружие за спину. Хербаты отправились в ножны на бедрах, а метательные ножи – в кармашки перевязи на груди. Что еще? Может, взять артефактный мини-акваланг, доставшийся мне после истребления отряда подводных наездников акаяси? Кстати, а как насчет яиц акаяси или угреподобные существа мечут икру?

Увы, обычно самые умные вопросы приходят в голову в

самое неподходящее время. Но если вернусь с берега живым, обязательно поищу ответы. А вот золото пришлось брать с собой. Лишняя тяжесть мне ни к чему, но, если владелец гостиничного судна окажется нечист на руку, обратно на континент придется плыть не кораблем, а кролем или брассом.

Утренние завывания муэдзина послужили будильником, и я начал быстро собираться в дорогу. Как и ожидалось, проснуться до рассвета не удалось, а тратить деньги, чтобы заставлять кого-то из обслуги вставать в такую рань и будить постояльца, мне не хотелось. Хватило и луженой глотки правоверного муэдзина.

Несмотря на все старания, по пути к галере Золотого пришлось поплутать, так что к готовящемуся к походу отряду я подоспел в самый последний момент. Но как бы я ни спешил, все же замер, разглядывая это необычайное зрелище. В команде Золотого были только арабы, и многих из них я видел на позавчерашней встрече, но сейчас блиставшие до этого шелком и золотыми деталями одежды франты превратились в бомжей. Притом плохо пахнущих бомжей. Сначала мои глаза увидели три десятка людей, одетых в грязно-серую рванину, а затем нос уловил прилетевшую с утренним бризом вонь.

– И как это понимать? – бросил я вопрос в толпу, не надеясь опознать Ибрахима среди перемазанных грязью лиц.

Капитан откликнулся сам:

– А ты что, думал, что мы пойдем на берег в парче и золо-

те, под звуки труб и сверкая сталью клинков? Тогда ты еще глупее, чем мне показалось сразу.

По щелчку лишенных каких-либо украшений пальцев капитана один из безликих оборванцев принес мне вонючую накидку и протянул банку с дурно пахнущей мазью. Это одеяние отдаленно напоминало маскировочный «гили», если, конечно, перед кем-то из земных спецназовцев могла встать задача замаскироваться под кучу тряпья.

В чужой монастырь со своим уставом не лезут, поэтому пришлось натягивать на себя это безобразие. Придумавшие подобный наряд люди знали о Хоккайдо и о том, что там творится, несоизмеримо больше меня, так что пришлось смириться.

– Слушай сюда, чужак, – дождавшись, пока я закончу возиться с балахоном, начал инструктаж Золотой. – Тебе следует знать только три главных правила. Если увидишь растопыренную пятерню идущего перед тобой человека, садись на корточки и даже дышишь через раз. Если тебе укажут пальцем, идешь в этом направлении и делаешь это без возражений. И самое главное, не вздумай бежать, даже если очень захочется. На этом берегу убежать от смерти невозможно, а вот влететь в ловушку – запросто. Теперь о том, что требуется лично от тебя. Если почувствуешь рядом зверя, тут же хлопаешь по спине Сина, он будет идти перед тобой, а затем делаешь все, чтобы зверюга пошла в другую сторону. Остальное уже на месте и по ситуации. Понятно?

– То, что сказал, – понятно, но вот есть вопросы насчет другого...

– А другое тебя не касается, – перебил меня капитан. – Ты выдвинул свои условия, я согласился, так что будет два яйца, а делиться секретами никто не обещал. Все, хватит болтать, так и до полудня засидеться можно.

По команде капитана три десятка мародеров, вытянувшись цепочкой, быстро пошли по отходящим от массива Корабельного Острова плавучим мосткам. В конце ниточки понтонов находилась квадратная плавучая пристань, у которой нас ждали четыре лодки.

Погрузка, как и дальнейшее плавание, проходила в полной тишине. Мне тоже не хотелось разговаривать, потому что казавшаяся до этого далекой опасность рывком приблизилась и только в конце, словно издеваясь, снизила свою скорость до ритмадвигающихся весел.

До этого я как-то не особо уделял внимание берегам главной бухты Хоккайдо. Вдалеке виднелись поросшие лесом склоны. В принципе ничего особенного, но теперь взгляд начал выхватывать ранее не замеченные детали.

Бухта врезалась в берег, словно след от удара широкого кинжала. На выходе в океан она вновь сужалась и к тому же была защищена волнорезом, так что даже в самые сильные шторма вода вокруг плавучего острова едва качала тонкие «ниточки» дальних понтонов. Вокруг самой бухты возвышались пологие холмы, покрытые высоким лесом, который те-

перь показался мне очень уж зловещим. Ветер качал кроны мрачных гигантов. Шум листвы органично вписывался в плеск мелких волн, но в этой гармонии чего-то не хватало. Чего именно – я догадался, лишь когда наши лодки приблизились к дальней части бухты. Лес был безжизненным – в нем не было слышно ни птичьего пения, ни криков мелкой живности вроде обезьян. После катастрофы Хоккайдо действительно стал царством смерти, и выжить здесь могли только совсем уж потусторонние твари.

Восприятие мира рывком сместилось, и я лишний раз напомнил себе, что нужно собраться – местные бони не прошли ни инициации, ни дрессуры. Для них я всего лишь пища, а не поводырь и господин, так что нужно держать ухо востро.

На первый взгляд казалось, что никакого города здесь никогда и не было, но постепенно становились заметны скрытые зарослями стены и соседствовавшие с высокими кронами тонкие башни. Лес пожрал город, но переварить окончательно так и не смог. К тому же по разной окраске древесных кроны и целым участкам мертвых – без листвы и с черными стволами – деревьев было видно, что всепоглощающей природе досталась очень ядовитая жертва.

Так, Влад, соберись, шутки закончились.

Громада Черного Пирса надвигалась на нас, как нос ледокола на вмерзшую в лед лодку эскимосов, и казалось, сейчас раздавит наши утлые челны. Мрачная слава этого портового сооружения была даже большей, чем у других частей сто-

лицы погибшего государства. Возможно, потому что у большинства мародеров выход на мародерку закачивался именно здесь, и заканчивался не самой легкой смертью. Впрочем, некоторые из погибших могли позавидовать смерти тех, кто зашел дальше.

Едва нос лодки ткнулся к нижней площадке пирса, грязные «комки» пассажиров выплеснулись на каменную поверхность, а рулевой зашипел на меня, словно сердитая кошка:

– Пошел отсюда, быстро.

Его больше испуганный, чем сердитый посыл придал мне ускорение, заставив выпрыгнуть из лодки. За спиной тут же послышался плеск весел, работающих в бешеном ритме.

Сразу пришло понимание того, что я как идиот сунулся в опасное место, собрав о нем слишком мало информации, но рассуждать уже поздно. Впереди мелькнула спина, в которой я лишь угадывал моего персонального опекуна, и тут мне в район почек ткнулся жесткий кулак.

Я не стал возмущаться, а шагнул следом за впередиидущим.

Первые полчаса нашего выхода никаких особых впечатлений не принесли, да и не за ними я сюда пришел. Наш отряд двигался вперед, словно мохнатая гусеница, извиваясь по известному только капитану маршруту.

Мы взобрались по каменной лестнице на второй уровень пирса, к которому столетия назад причаливали корабли по-

солиднее, и двинулись по поросшей вполне обычным мхом дороге в сторону основных строений порта. Уточнение того, что мох на пирсе был обыкновенным, получило свой смысл, когда я увидел мох не совсем обычный. Именно на участке едва светящегося под солнцем химической, а не живой зеленью мха я увидел первое тело.

Только теперь до меня начала доходить суть тактики мародерских команд и то, зачем им были нужны неопытные новички – та самая «рыба», которую завлекали рекрутеры капитанов.

В глаза сразу бросились странные колышки с белыми лоскутами, которыми был отмечен наш путь, именно на этом участке и лежал скрючившийся в позе эмбриона человек. Раньше это был безопасный путь, теперь же условно-надежная тропка шла в обход участка со скрючившимся телом.

Это куда же я попал? Читать роман Стругацких и тем более играть в компьютерную игрушку по его мотивам было весело, а вот столкновение с чем-то подобным в жизни оптимизма как-то не вызывало.

Если честно, не самая доблестная часть моей души тут же порадовалась, что для капитана я немного ценнее, чем лежащий на светящемся мхе человек. Такие вот реалии героических приключений. Окружающее приобрело еще более зловещий вид. Ползущие по остаткам колонн колючие лианы, кажется, даже зашевелились. Или мне кажется?

Короткий крик впереди и то, что я увидел через пару ми-

нут, дойдя до места происшествия, доказали, что ничего мне не кажется. Стягивая свои кольца, колючая лиана прижимала к камню уже затихшее тело человека в балахоне. На этом месте мое желание заполучить питомца стало намного меньше, а цена, которую требовали торговцы на острове, уже не казалась такой уж заоблачной.

Дико захотелось увидеть солнце и хоть клочок неба над головой, но мы уже пару минут как нырнули в густые заросли практически экваториальных джунглей. О том, что вокруг расстилается огромный город, говорили лишь углы зданий, частично вырвавшиеся из удушливых объятий агрессивной флоры.

Изматывающий своей монотонностью и безнадежностью марш закончился ближе к полудню. К этому времени отряд потерял четверых и двигался вперед со скоростью улитки.

Внезапно раскачивающаяся передом мной спина скользнула вниз, я лишь успел заметить растопыренную пятерню. Ноги подогнулись сами собой. Так страшно мне не было даже во время сделавшей меня дворянином атаки на холм с окруженным врагами принцем. Впереди элита арабского войска, подо мной плохо управляемый и, самое главное, трофейный хидой, а вот страха не было. Теперь же это мерзкое чувство проникало липкими щупальцами в самую душу.

Человеческий голос прозвучал как глас с небес.

– Привал, – прошептал мой поводырь. – Сядь на этот камень и жди.

Похоже, это место считалось более или менее безопасным. Весь отряд сначала сгрудился на небольшой площадке пред облепленным лианами трехэтажным домом, а затем после тихой команды распался на несколько групп. Часть осталась рядом со мной, а три группы по четыре человека нырнули в дом. Ко мне подошел безликий мародер, который обрел идентификацию только после того, как подал голос:

– Отдыхай, чужак. Пока мы собираем то, что оставили нам жители этого дома. Сюда я и собирался идти до твоего появления. Теперь же мы пойдем дальше, к логову коваев.

– Почему не к лежбищу хах-коваев?

– Отбирать яйца у здоровяков можно и без тебя, так что к коваям, но это только проверка. Если окажешься не таким бесполезным, как Али, наведемся еще и к хидоям. После этого сделаем небольшой крюк, и домой.

В тот момент я не придал значения слову «крюк», и напрасно. Впрочем, это было естественно, потому что в следующую секунду маховик событий этого дня начал набирать обороты.

Внезапно в окне второго этажа послышалось странное гудение, а затем раздался хлопок. Проем окна засветился синим сиянием, и из него вылетело облако, словно заработала машина искусственного снега. Очень зловещая машина, потому что снег был красным. Невесомые хлопья медленно опускались на землю, покрывая ковер из опавших листьев и бледного мха алым налетом.

Образовавшаяся вслед за этим событием тишина была кратковременной и очень хрупкой. Она разлетелась на тысячи осколков от первого же крика:

– Золотой, ты привел нас в лабораторию мага!

Группа до этого одинаковых людей тут же разделилась на неравные части, сразу стало понятно, кто здесь «рыба», а кто «матросы». Причем «матросов» было всего пятеро, вместе с капитаном и я волей судьбы оказался в их компании.

– Заткнись, Угрюм! – прокаркал Золотой и тут же протаторил что-то на арабском.

Компания «матросов» оцетинилась длинными ножами.

Казалось бы, силы были неравными, но после того, как из-под хламид «рыб» показались жалкие ножички, и то далеко не у всех, ситуация вновь обрела равновесие.

– Мы так не договаривались, – прорычал тот, кого Золотой назвал Угрюмом.

Похоже, мужик знал больше остальных «рыб», но его явно славянское происхождение не позволило стать «матросом» в арабской команде.

– Мы вообще ни о чем не договаривались. Если что-то не нравится, можешь идти дальше сам. Далеко ли ты уйдешь без лоции?

– Искать в жилых домах – это одно, а в лаборатории – совсем другое, слишком опасно.

Я уже начал поворот головы, ожидая услышать ответ капитана, но его довод был беззвучным или почти беззвучным.

Этого не ждали ни я, ни зачинщик мини-бунта – если в правой руке солидный кинжал, на левую как-то не обращаешь внимания. Угрюм тоже не обратил. И зря.

Золотой дернул левой рукой, и инициатор бунта завалился на спину с ножом в шее. Так что ответ араба прозвучал в виде бульканья крови в горле оппонента.

Довольно доходчиво.

Неизвестно, как бы закончился это спор, но из дома появились поисковики. Причем только один из «матросов» потерял обоих «первопроходцев». Второй вернулся с одним подчиненным, а третий вообще привел обоих. Мало того: в его руках имелся увесистый мешок с добычей.

Это и решило спор. Три стоявших рядом с Золотым «матроса» быстро отобрали по паре свежих «рыб» и, двигаясь за ними, исчезли в доме.

Как только в дом ушла вторая партия мародеров, Золотой разделил отряд. С ним пошли четыре «матроса» и пять «рыб», а другие остались у дома. Естественно, я тоже был зачислен в состав отобранного отряда.

– Соваться всей толпой в логово коваев неразумно. Пусть пока ребятки пошарят в окрестностях. Там не так опасно, как в лаборатории.

И вот мы вновь тронулись в путь. Отмеченная редкими «флажками» тропа повела нас вверх по взбирающейся на холм дороге, но этот путь был отнюдь не простым. Мы постоянно петляли, и не только между пробившими тротуар

стволами деревьев, но и обходя невидимые опасности. Пару раз пришлось забираться в окна домов, чтобы вновь выбраться на тротуар всего в десятке метров выше по дороге. Все эти зигзаги перестали утомлять меня, как только один из проводников провалился в покрытый мхом тротуар, словно в трясину. Он даже не успел крикнуть – лишь мох на месте падения засветился ярче.

Мне захотелось чертыхнуться, но я не рискнул нарушать тишину этого жуткого места.

Второй смертник встретил свою судьбу в объятьях колючего кустарника. Это мерзкое растение проросло между камнями брусчатки за одно короткое мгновение. Тонкие и с виду хрупкие побеги пробили закутанное в лохмотья тело, моментально напитались красным цветом, стали толще и застыли, словно обычный куст. И только ссохшееся тело внутри густого переплетения ветвей напоминало о недавней трагедии.

Когда же все это закончится?!

Остановились мы только через полчаса.

– Все, чужак, – прошептал повернувшийся ко мне Ибрахим, – магический квартал закончился, теперь пойдет территория твоих коллег. Дальше на север располагались казармы проводников. Если идти вдоль стены, можно добраться до лежбища здоровяков. А перед нами – пролом, ведущий к одному из обиталищ коваев. Твоя задача – сделать так, чтобы никого из чудовищ не было ни по пути к логову, ни у входа.

Дальше мы справимся и без тебя. Так что вперед, «великий укротитель».

Если честно, после пережитого мне больше хотелось назад, а не вперед, но выбора не было, и пришлось едва ли не ломать себя, чтобы сделать первый шаг.

Одно утешало – теоретически магических и алхимических ловушек здесь быть не должно.

Коваев я почувствовал сразу за проломом в стене, словно это была какая-то преграда для ментального сканирования. Их было очень много. Полсотни, не меньше, и парочка находилась очень близко, но почему-то не учуяла наше присутствие. Похоже, сработали вонючие накидки. Да только как сделать так, чтобы они нас еще и не увидели? Я осторожно прощупал ментальное поле зверей и вполне ожидаемо не почувствовал там никаких виртуальных «шаров», с помощью которых управляют прирученные бни.

Мое прощупывание было тут же замечено, но звери пока не поняли, что происходит, поэтому просто забеспокоились.

Ну и что мне с этим делать?

Коваи здесь, я тоже, и кто-то из нас на этом участке лишних. Лично мне казалось, что лишними были коваи, а они наверняка думали наоборот. Нужно, чтобы они ушли, но то, что может соблазнить их, как раз находится рядом – сочное мясо, которое звери не чувствуют под вонючими накидками. Хорошо, а если они почувствуют добычу не здесь, а где-то там далеко?

Ну и как это проверить?

Помня свои эксперименты с Бимом и Бомом, я решил создать ментальный призрак. Проще говоря, заставить коваев подумать, что они чувствуют человека в глубине развалин дальних казарм. Для начала мне нужны ориентиры. Проще всего это было сделать с помощью оставшихся «рыб», но от того, что эта мысль вообще залетела в мою голову, стало невыносимо стыдно. С другой стороны, можно вычленить образы из мозга самого зверя. О чем подумает зверь, если слышит странный звук? Правильно, о добыче.

Я отполз обратно в пролом и повернулся к затаившемуся Золотому:

– Нужно забросить камень через стену, и чем дальше, тем лучше.

Араб кивнул и повернулся к одному из своих «матросов», который тоже слышал мои слова.

«Матрос» чуть привстал и достал из-под накидки кожаный ремень. Через пару секунд небольшой камень, пущенный из пращи, полетел через стену. Все произошло так быстро, что я едва успел сконцентрироваться. Калейдоскоп образов, донесшийся до меня со стороны одного из коваев, расшифровать было невозможно, но этого и не требовалось. От старания я едва не прокусил губу, но все же сумел послать общий сигнал всем коваям поблизости.

Получилось! На площади за проломом послышался шорох камней, и серые туши практически беззвучно скользну-

ли в сторону развалин здания на противоположной от нас части площади.

– Чисто, – прохрипел я, стараясь выровнять дыхание, потому что от напряжения позабыл даже дышать.

– Быстро! – таким же резким тоном скомандовал Золотой, и мы небольшой стайкой побежали за капитаном.

К счастью, забег был коротким. Похоже, Ибрахим знал, куда бежать. Он остановился возле темной дыры, ведущей под стену одноэтажного дома. Я тут же ухватил его за накидку.

– Внизу есть еще двое.

– Теперь это не проблема. – Белые зубы араба блеснули на испачканном грязными разводами лице.

Капитан достал небольшой шар и, примерившись, кинул его в дыру. Через секунду оттуда пахнуло дымом. Еще через пару секунд я с удивлением почувствовал, что оставшаяся в норе пара коваев засыпает.

– А почему не сделать это раньше? – несмотря на напряженную обстановку, спросил я.

– На открытом пространстве это не работает, – на радостях снизошел до ответа Золотой, продолжая загибать пальцы, явно отсчитывая время. – А ты молодец. Обычно мы сидим тут по паре суток и теряем десятков «рыб».

Загнув еще один палец, Ибрахим закончил отчет:

– Пошли.

Мы все тут же нырнули в зев норы. Коваи вырыли до-

статочно большой проход, так что можно было хоть и сильно пригнувшись, но все же пройти, а не проползти. Впереди блеснул магический светильник, освещающая пространство с быстро тающим дымом.

– Чужак, оставайся у входа.

Ага, щаз-з! Вот так взять и задушить свое любопытство? Фигушки.

– Я только гляну и сразу вернусь.

В принципе смотреть было не на что. Проход заканчивался довольно обширным логовом, в котором могли уместиться пара десятков коваев, но сейчас посреди пещерки лежали лишь два мирно спящих зверя. В небольших отнорках виднелись кладки яиц. «Матросы» и Золотой тут же бросились к стенным нишам, доставая из сумок ворох каких-то сеточек. Конструкции, в которые запикивались яйца, были похожи на небольшие авоськи, инкрустированные мелкими камнями. Как только яйцо попадало в эту «авоську», камни загорались синим цветом.

А это что за новости?

Вопросов стало еще больше, когда у одного из «матросов» камни засветились желтым. Он тут же вывалил яйцо обратно и начал запикивать в сетку другое.

– Чужак! – яростно прошипел Золотой.

Пришлось отправляться к выходу.

Коваи по-прежнему находились в дальних развалинах, пытаясь сообразить, что они такого здесь учуяли и почему

до сих пор не впились зубами в теплое мясо добычи. Именно любопытство этих неглупых зверей и позволило нам провернуть операцию без лишних проблем.

Я не успел заскучать, как за спиной послышался шорох.

– Как там?

– Все чисто.

– Уходим, – прошептал Золотой, и мы вновь рванули через площадь.

Знакомый провал в стене встретил нас как дом родной.

Неужели получилось?

В принципе задачу-минимум я выполнил, и теперь можно возвращаться домой, хотя, конечно, очень хотелось заполучить яйцо хидоя. Судя по загоревшимся глазам Золотого, эта мысль посетила и его голову.

– Давай заглянем еще в одно место. Для хидоя еще не сезон, вялыми они станут только через пару месяцев, но тогда три четверти яиц из кладки будут уже негодными.

– В каком смысле «негодными»? – тут же напрягся я.

– Не время болтать, пошли!

Эта поспешность капитана наверняка была продиктована нежеланием делиться со мной информацией, но, когда вернемся домой, я все равно вытяну из него правду, чего бы мне это ни стоило.

Мы вновь нырнули в фантасмагорические заросли магического квартала. То, что минуту назад уже начало казаться бредовыми видениями, вновь обрело реальность. А ведь нам

еще идти по этой территории обратно!

На пути к новой точке охоты мы потеряли еще двух «рыб», зато удачно набрали на скелет какого-то богатого горожанина, с которого сняли золотые украшения и, что самое главное, какой-то артефакт. И тут я узнал много интересного. На моих глазах Золотой достал из мешка какую-то коробочку, большие ножницы и еще большие щипцы. Покрытым странными рунами инструментом он расковырял истлевшую одежду на груди скелета и, поддев за цепочку, достал кулон с камнем. Камень был аккуратно опущен в коробочку, а затем Ибрахим перерезал цепь ножницами.

Ох, ну не идиот ли я?! Ведь в гостинице среди моих вещей осталась такая же коробочка, в которой мне доставили трофейный и уже «перешитый» защитный амулет от королевских магов. Жабу пришлось успокаивать тем, что не за этими цацками я сюда явился.

До очередного пролома в межквартирной стене мы добрались только с одним смертником, да и тот нашел себе приключения на мягкое место практически у цели нашего забега. Идущий впереди парень вдруг сорвал с какого-то куста плод, похожий на мелкий лесной орех.

Вот же, блин, идиот!

Через секунду парень превратился в дракона, извергающего из пасти... нет, не огонь, а клубы дыма. Как ни странно, «матросы», вместо того чтобы напрячься, только тихо засмеялись. А дыма, кстати, было изрядно. Дымило не только

изо рта незадачливого гурмана, клубы валили и от того, что он выплюнул.

– Ну, это же просто орешек, – обиженно проговорил наконец-то отплевавшийся смертник.

Парень явно не блистал умом, впрочем, чего ожидать от человека, согласившегося стать смертником, надеясь на призрачный шанс стать «матросом»-мародером и заработать кучу сокровищ в необозримом будущем.

Клубы дыма заволокли все окружающее пространство, поэтому нам пришлось срочно идти дальше. И это с одного орешка! Интересные здесь кустики растут... Возможно, совершая глупость, я все же сорвал с десятков орехов и забросил в карман.

Между гвардейскими казармами мы пробирались как тень, боясь лишний раз вздохнуть. Мне почему-то не удавалось почувствовать хидоя, и это напрягало всех. А вокруг вздымались в небо обнявшиеся, словно любовники, деревья и потрескавшиеся колонны. Это походило на случайно увиденную мной когда-то в Инете колоннаду в Апамее. Только колонны побольше и площадь значительно шире, общей была разве что степень ветхости. По большому счету основной город не так уж плохо сохранился, но вот в районе гвардейских казарм словно произошла какая-то битва. Причем все смахивало на схватку двух танковых полков. Я догадывался, кто именно здесь веселился, и от этого становилось как-то не совсем уж хорошо. Близкое общение с бни сыграло со мной

злую шутку – только сейчас до меня начало доходить, как все мы беззащитны рядом с неуправляемыми чудовищами.

Хидоя я почувствовал в тот момент, когда Золотой хотел что-то спросить. Его вопрос умер в зародыше, как только я предостерегающе поднял руку.

– В кусты! – скомандовал капитан, и мы мохнатыми мячиками нырнули в ближайшие заросли.

После увиденного в магическом квартале делать это было боязно, но, похоже, в ареале обитания диких бни фауна была не настолько агрессивной. Впрочем, опасностей здесь хватало и без нее.

Едва мы укрылись в зарослях кустов с большими зеленовато-серыми листьями, как команда Ибрахима начала вертеть головами, а вот мне напрягаться в ожидании появления опасности не было необходимости, потому что я и так знал, когда и откуда она появится.

Это был великолепный зверь, он превосходил своей мощью и брадарских, и тем более аравийских хидоев.

Они были удивительными животными, и описать их несведущему человеку очень сложно, только прибегая к ассоциациям. К примеру, прирученный ковай был немного крупнее льва и имел схожие повадки и строение тела. Но лишь приблизительно – жесткая шипастая кожа, выдающиеся вперед огромные клыки в солидном наборе и практически полностью покрытая костяными наростами голова с тремя жесткими гребнями давали такую фору «вооружению» зем-

ного льва, что о сравнении даже речи идти не могло. Прирученный хидой был значительно крупнее ковая – размером с крупного быка. По строению тела и движениям он походил на собаку, но здесь общего с земным животным было еще меньше. Все тело хидоя закрывал хитиновый панцирь, усеянный шипами и похожими на пилы гребнями. Все это великолепие завершал скорпионий хвост – жуткое и прекрасное зрелище. Так вот то, что я увидел на площади с двумя линиями колоннады, вызывало восхищенный трепет даже у поводыря. Зверь был поистине прекрасен. Я точно хочу такого и готов ради этого сдохнуть!

Первым порывом был ментальный контакт, и здесь я сделал самую главную ошибку. Шедший по своим делам дикий хидой вздрогнул и начал внимательно озираться.

Фигушки, Влад, это тебе не дикие коваи – хоть и опасные, но немного туповатые звери. Тут все намного печальнее.

Того, что произошло дальше, судя по всему, не ожидал даже Ибрахим. Похоже, время для посещения владений хидоев было действительно неудачным и внушенная мной уверенность в успехе уже начала вылезать капитану боком. Даже стало интересно, чем это закончится для меня.

Хидой опустил увенчанную толстыми и вытянутыми вперед наростами-рогами голову к земле и издал жуткий рев. Я довольно привычен к таким звукам, но пробрало и меня, что уж говорить об остальных. Опытные мародеры оцепенели, а вот с последней «рыбой» страх сыграл злую шутку. Парня

затрясло, и он, внезапно сорвавшись с места, вылетел из ку-стов.

Надо отдать должное Ибрахиму: сориентировался он быстро. Прохрипел что-то на арабском и повторил для меня: – Бегом отсюда.

И мы побежали, не оглядываясь и перепрыгивая через лежащие колонны, словно бегуны на дистанции с препятствиями. Позади на высокой ноте оборвался крик бедного парня. Но в данный момент жалость была самым последним чувством в спектре того, что я испытывал.

Почему я не попытался как-то повлиять на хидоя? Да потому что сразу понял – это невозможно. Даже не представляю, какую огромную работу проделали таинственные яхны, чтобы обуздать такой ум и такую ярость.

Беги, Влад, беги. Тут ловить нечего даже тому, кого верховный хорох назвал потенциальным укротителем.

Чтобы попасть к нужному выходу в магический квартал, нам предстояло сделать крюк в зарослях у стены, и до последнего момента я даже не представлял, как капитан собирался это проделать. Все мое внимание было приковано к опасности сзади, а следовало смотреть вперед.

Бегущий впереди «матрос» неожиданно остановился, и я врезался в него, а затем отлетел назад от жесткого удара. Мне не удалось успеть не то что подняться на ноги, но даже удивиться, как плечо обожгло болью. Под ухватившимися за рану пальцами заструилась кровь. Мой взгляд удивленно пе-

решил с торчащей из тряпок балахона рукояти ножа на лицо Ибрахима.

Он не стал размениваться на лирику, намекая на то, что в этой ситуации нет ничего личного, а просто развернулся и побежал. Четыре помощника рванули следом за ним, оставив меня как приманку для стремительного зверя.

Разглядывать их спины смысла не было, поэтому я посмотрел на хидоя. Могучий зверь дожевал свою жертву и потянул носом воздух. То, что он уже почуял мою кровь, стало понятно по ментальному всплеску и злобному взгляду мелких глаз. Попытка еще раз забраться ему в мозг не принесла ничего, кроме дикой вспышки головной боли.

На принятие решения у меня было меньше секунды. Конечно, можно кинуться следом за подлым капитаном, но он наверняка успеет к пролому раньше меня, а пройти без пресловутой лощи по опоясывающему весь город кварталу магов просто нереально. Даже с лощией это еще та рулетка.

Все, время вышло. Мы с хидоем сорвались с места одновременно. Он ко мне, а я – к ближайшим развалинам. Боль в плече как-то забылась, как и беспокойство о потере крови, – сзади бежит тот, кто схарчит всю кровь одним укусом, вместе с мясом и костями.

Моя идея – если, конечно, ее можно было назвать таковой – состояла в том, что казармы нихонской гвардии строились все же в первую очередь для людей, а уже потом для бни.

Первый дверной проем хидой даже не заметил, впрочем,

как и я, потому что влетел туда на мгновение раньше зверя. Как уже было сказано, хидой снес вход в казарму вместе со стеной. А вот в узкий коридор он воткнулся, как пробка в бутылочное горлышко. Увы, такого же эффекта, как в лесном бою на брадарско-аравийской границе, достичь не удалось. Зверь поворочался, окончательно добив этот кусок развалин, и рванул вперед по остаткам второго этажа. Но мне все же удалось получить фору метров в двадцать.

Жаль, что такой коридорчик поблизости был только один. Я бежал как спринтер, который перед уходом из спорта попал на Олимпийские игры, да только вместо последней медали мне приходилось бороться за жизнь. Каждый взмах руки отдавался болью, встречный ветер забивал дыхание, а деревенеющие ноги все несли меня вперед. Видать, не хотели попасть на обед монстру в качестве самого лакомого блюда из общего меню.

В небольшую канавку, по которой ливневые воды ныряли под стену, я скользнул ногами вперед, несмотря на все неприятные ассоциации. Пропахав спиной жирную грязь, оставшуюся в канаве с прошлого дождя, мое тело легко выскользнуло по другую сторону стены, в которую тут же ударились что-то массивное. Хотя почему «что-то»? Мне было прекрасно известно, кто стучался в сложенную из огромных блоков стену: мой новый знакомый, чтобы ему подавиться моей черепушкой.

Силы практически разом оставили меня, и я бессильно

откинулся на спину, ожидая увидеть над кромкой пятиметровой стены голову хидоя.

Стена содрогнулась от еще одного удара.

Господин Воронов, вы идиот, а не поводырь! Хидои, в отличие от коваев, по стенам не лазают. Эта мысль подстегнула меня и заставила встать на ноги, под аккомпанемент ударов в стену. Но, увы, все напрасно – последний рывок выпил все силы без остатка. Впрочем, на пару шагов этого хватило.

Доставивший меня за стену водосток в нескольких метрах впереди уходил вниз к находящейся уровнем ниже площади перед дворцом. Очень знакомым дворцом. И где я его видел?

С этой мыслью я рухнул на скользкий мох в желобе и заскользил вниз.

Вспомнил: я видел это строение во сне!

Эта мысль пришла ко мне уже внизу.

Только почему во сне за мной бежал совершенно другой зверь? Или сон все-таки не был вещим?

Дальнейшие раздумья прекратил грохот разваливавшейся стены. Это было хоть и крепкое строение, но все же не крепостной периметр. В куче пыли над проломом появилась морда хидоя. Он замер над кучей камней и шумно втянул в себя воздух. И вдруг в его движениях появилась какая-то неуверенность.

Правильно, после катания по заполненному зеленоватой жижей каналу мне и самому противно. Может, и зверь поймет, что я не такой уж вкусный?

Увы, хидою так не казалось, он нашел меня взглядом и прыгнул вперед.

Подышать так тупо не хотелось, и рука бессильно попыталась ухватить пристегнутые за спиной ножны с разобранной нагинатой, но замерла, так ничего и не сделав. В тело так и не добежавшего до меня всего с десятков метров зверя врезалась другая огромная туша.

Ага, вот почему он сомневался насчет того, ходить за стеной или не стоит, – у этой территории был свой хозяин.

На секунду я забыл о всех своих проблемах. Это было поистине потрясающе. Только русский язык имеет необходимые слова для описания нового участника нашего представления. Жутко-красиво – иначе не скажешь. Я моментально понял, кого вижу, несмотря на то что схематическое изображение, найденное мною в старых манускриптах и теперь украшающее герб новоиспеченного ярла Воронова, не очень-то походило на оригинал.

Сагар был крупнее хидоя, к тому же за счет другого способа передвижения по белому свету возвышался над моим преследователем как минимум на пару метров. Если по строению тела и способу движения хидой напоминал собаку, то сагар был похож на примата. Длинные руки оканчивались не менее длинными пальцами с серповидными когтями, но мало того – в момент атаки из костяных щитков у запястий выдвигались три костяных шипа – средний имел в длину около метра, а два крайних – чуть больше полуметра.

Эдакий inferнальный Росомаха.

Костяная броня, бугрившаяся наростами и шипами, закрывала почти все тело зверя, но не так кардинально, как у хидоя, – на суставах, шее и в нижней части живота тело покрывала жесткая шкура. Голова также была хорошо защищена, и на ней виднелась главная отличительная черта самых таинственных бни – загнутые вверх рога на задней части вытянутой головы, которые словно проходили через середину черепа и превращались в массивную пару то ли клыков, то ли дополнительных шипов на жуткой морде. Над линией перехода блестели небольшие глазки. Стоит учесть, что между верхними клыками-шипами имелся очень впечатляющий набор зубов, которые дублировались на нижней челюсти широко распахнутой пасти.

Вид этого стоматологического набора вывел меня из ступора. Пока я впечатлялся, два мощных зверя начали «диспут».

Рокочущий рык сагара влился в вопль хидоя, и мой тотемный зверь врезал своими выдвигаемыми «клинками» по морде прижатого к земле противника. В ответ скорпионий хвост моего преследователя метнулся к неприкрытому животу сагара, но тот успел подставить массивное предплечье, и тут же лапа сагара зажала хвост и сломала его, как тростину. Хидой завопил от ярости и боли. Этот крик заставил меня задуматься о собственном положении.

И чего мы лежим, эрл Воронов? Даже если сагар победит,

а это вполне реально, легче мне не станет. Вряд ли дикая зверюга проникнется тем фактом, что попала на мой дворянский герб.

Короткая передышка придала сил, и я рванул к ближайшему зданию в надежде забиться в какую-нибудь щель. Даже боль в плече на фоне общего шока отошла куда-то на задний план.

Довольно обширный двор удалось перебежать быстро, этому способствовал предсмертный хрип хидоя. Ментальное чувство тут же передало лавину боли, которая тут же оборвалась. Все, сагар справился. Надеюсь, теперь он будет праздновать и пировать телом поверженного врага.

Увы, похоже, мой тотемный зверь предпочитал нежное мясо людей, потому что, не задерживаясь на победные вопли, устремился за новой жертвой.

За спиной послышался звук тяжелых прыжков.

Я был уже у стены здания, но радости это не принесло – сквозь облепившие стену лианы было видно, что в этой части фасада не имелось ни дверей, ни окон.

Ну что за невезуха такая!

До угла было недалеко – метров десять, но в моем положении это не ближе чем до Брадара.

И все же до угла дома я успел долететь с небольшой форой и даже обрадовался, увидев там маленький переулок с тупиком. Обрадовался, потому что в нижней части тупиковой стены имелся знакомой формы водосток. Уже привыч-

ный прием прошел на ура, и я вперед ногами пролетел под стеной, заскрипев зубами от резкой вспышки боли в ране. Нож из нее уже где-то выпал, но даже на остановку кровотечения у меня не было ни секунды.

Быстро встать на ноги – и вперед!

Вновь сорвавшись на бег, я все же не выдержал и обернулся.

Рокочущий рык перерос в оглушающий рев. Проломив массивные каменные блоки стены, появился сагар.

Почти все мысли в голове замерзли от ужаса, но все же одна упрямо ворочалась. Дежавю – опять мой сон на корабле. Поворачивая голову вперед, я уже знал, что увижу – стены короткой улочки были покрыты иероглифами в сочетании со странной вязью неведомой письменности. Облепленный неприятными растениями провал в мостовой на обочине дороги тоже оказался на месте. Как и во сне, этот пролом не вызывал ни малейшего доверия, но проверять все остальные увиденные во сне факты, особенно со смыкающимися челюстями, я не стал – своим сном я верил безоговорочно, поэтому рыбкой нырнул в черную дыру.

Небольшим утешением послужил недовольно-яростный рев сагара, но на этом приятные новости закончились.

Я сразу же ударился о какую-то балку, причем неудачно – раненым плечом. Затем был полет во тьме, к счастью недолгий, закончившийся абсолютно бездарным входом в воду.

Довольно быстрый поток воды подхватил меня и увлек по

широкому квадратному в сечении каменному желобу. Затем меня занесло в каменный тоннель, причем заполненный водой почти до верха. Эти подробности в полной темноте удалось определить, так сказать, прикладным путем – я время от времени прикладывался о стены тоннеля то спиной, то конечностями, а попытка ухватить ртом хоть толику воздуха почти всегда заканчивалась ударом головой о потолок.

Это барахтанье показалось мне бесконечным, но больше всего удручала дезориентация. Увидеть хоть что-нибудь удалось, только когда поток выплеснулся в большое помещение с продолговатым проемом в потолке.

В этот коллектор вливались четыре потока. Меня вынесло из крайнего слева. Порадоваться тонкому лучику Ярилы я не успел, потому что водоворот тут же увлек меня вниз, где не было ни света, ни воздуха. При погружении даже не удалось вдохнуть полной грудью.

Дальше было то, что позволило мне пережить ощущения таракана, которого слили в канализацию, или даже хуже. В подземной трубе меня уже и не болтало, просто несло в толще воды. Если честно, я и испугаться толком не успел, и, когда поток вынес меня из трубы, удушье только начало подступать. Паники не было, поэтому удалось рассмотреть, куда же меня выкинуло. Узкая подводная расщелина не смыкалась под острым углом, а заканчивалась неширокой полосой каменной кладки, в которой виднелись выходы трех больших труб практически круглого сечения. Меня вынесло из

средней.

Радость от того, как сильно мне повезло, едва не сыграла со мной злую шутку. Расслабившись, я позволил себе насладиться видами. Косые лучи света пробивали толщу воды сверкающими колоннами. Диковинные водоросли извивались, создавая фантасмагорическую картину, которая дополнялась отвесными стенами подводного ущелья и довольно устрашающего вида рыбками. Вид зубастых рыб напомнил мне, что из раны по-прежнему идет кровь, как и то, что я так и не удосужился узнать, где именно местные мародеры добывают яйца акайи. Не исключено, что именно в этом ущелье.

Я созерцал местные красоты чуть больше секунды, но и этого хватило, чтобы едва не утонуть. Воздуха на «полет» по трубе хватило, но еще предстояло добираться до поверхности воды, а она находилась метрах в семи над головой.

Воздух ворвался в мои легкие, когда в глазах уже пропали цветные круги удушья и пришла тьма. На узкий карниз в отвесной скале я взобрался почти в беспамятстве. И лишь почувствовав себя в относительной безопасности, позволил себе отключиться.

Прохлада приближающегося вечера послужила мне будильником и напоминанием о том, что здесь не место не то что для ночевки, но даже короткого привала. Я промок, продрог и совершенно выбился из сил, несмотря на как минимум часовой отдых. К тому же воспалилась рана. Мне еще

повезло, что нож был сравнительно узким, иначе все закончилось бы смертью от потери крови.

На главную бухту острова Хоккайдо надвигалась ночь. Корабельный Остров скрывался от меня за скалами, но зарево его огней было видно хорошо. Нырять в холодную воду не хотелось до дрожи во всем теле, но еще пару часов на остывающем камне – и воспаление легких мне гарантировано. Рана в плече горела огнем, но, как ни странно, позволяла нормально двигаться, да и боль была какой-то тупой, впрочем, как и общее состояние.

Уже опустив обутые в сапоги ноги в воду, я задумался о том, что делаю. Попытка доплыть до Острова в кожаной одежде и с оружием изначально была самоубийственной. Мало того, я как идиот взял с собой все свое золото.

Благоразумие, на короткое время вернувшееся в гудящую голову, заставило меня раздеться до порток и рубахи. Разобранная нагината, хербаты и основная часть золота были расставаны по щелям в камне. В заплыв со мной отправились только пояс, кинжал и пять золотых монет – соваться на Остров без денег не было смысла, умереть в одиночестве и неприкаянности можно было и здесь.

Не скажу, что являюсь великим пловцом, но до скопления кораблей я доплыл, оставаясь в сознании и даже с толикой сил в ноющих мышцах – благо выбросило меня из древней канализации не так уж и далеко. Даже самостоятельно взобрался на вытянувшиеся в море плавучие мостки. И только

там я вновь вспомнил об акаяси.

Вовремя, однако.

Добравшись до жилья людей, я не оказался в безопасности, потому что люди здесь обитали специфические, и ограбить ослабленного человека на Корабельном Острове не считалось чем-то предосудительным. Так что до гостиничного корабля пришлось добираться едва ли не ползком, замирая в фонарной тени бортов и под досками верхних ярусов мостков.

Помню еще, что сунул голову в боковой вход в таверну и, выхватив помутневшим взглядом мощную фигуру Граннуса, прохрипел:

– Помоги.

Не знаю, то ли у кабатчика все же остались крохи совести или же он решил не соблазняться всего лишь пятью золотыми монетами и мокрым исподним, но утром я проснулся в своей постели рядом с нетронутыми вещами и практически в нормальном состоянии. Если, конечно, не считать общую слабость и грамотно перебинтованную рану на предплечье. Сама рана оказалась не такой уж серьезной, а с воспалением местные лекари умели справляться на раз. Что касается усталости, прилив жизненной энергии от лекаря и продолжительный сон могут творить чудеса.

– Ты должен мне еще семь золотых за лекаря. – Это были первые слова, которыми меня встретил трактирщик, явно недовольный своим внезапно прорезавшимся благород-

СТВОМ.

– И тебе доброго утра, Граннус, – поздоровался я. – Во-первых, спасибо за помощь. Поверь, ты не пожалеешь о том, что сделал. А во-вторых, хотелось бы попросить тебя накормить человека, едва не отдавшего концы в героическом выходе на берег.

– Пойдешь к Золотому? – вдруг в лоб спросил кабатчик.

Опаньки; он что, умеет читать мысли? Я действительно сразу после обеда планировал посетить капитана. Только дождусь окончания полуденного намаза.

– Есть такое желание.

– Глупое желание. – Похоже, однажды проявив заботу, Граннус решил взять надо мной шефство.

– Он мне должен.

– Желание стробовать с Золотого долг кровью – хуже глупости. К тому же он сам тебя скоро найдет и очень серьезно захочет узнать, как ты выбрался из города.

– А с чего ты взял, что я вернулся не с ним.

– Об этом знает уже весь Остров. Каждая команда объявляет о тех, кто остался на берегу. Тебя записали в мертвецы. При этом все, кто слышал слова Ибрахима, почуяли, что не все так просто. Я его слышал и другие тоже.

– У меня нет другого выбора, – покачал я головой.

– Только рассчитайся со мной до того, как пойдешь совершать самоубийство, – как-то быстро отступился Граннус. Впрочем, я ему не брат и не сват.

– Ну, с этим проблем нет. Если Золотой прирежет меня, тебе достанутся все мои вещи. Все ценное оставлю в комнате, так что мародерам ничего не перепадет, а ты будешь даже в прибыли.

Как и следовало ожидать, вкуснейшая рыба, на фоне размышлений о предстоящем деле, удовольствия не принесла.

Может, действительно не наезжать на Золотого и дожидаться другой возможности? Время у меня еще было, чуть больше двух недель. К тому же из головы не шла портовая канализация и еще некоторые мысли, которые на фоне общих переживаний пока скользили на грани восприятия. Разумнее всего было бы отбросить обиду и попытаться ухватить призрачные идеи за мельтешащие «хвостики», но меня уже понесло.

К галере Золотого я подошел как раз к концу намаза, надеясь на умиротворение после молитвы, но не тут-то было.

– Чего надо? – на плохом брадарском обратился постовой у пролома в борту, едва я ступил на ведущие к кораблю мостки.

– Позови Золотого.

– Шел бы ты отсюда.

– Неужели Ибрахим выпал за борт и утонул по пьяни?

– Не понял, – напрягся «матрос», которого я смутно помнил по вчерашнему походу. Хотя как их запомнишь, в одинаковых-то балахонах?

– Ну, если теперь ты принимаешь решения, значит, Золо-

той уже в гостях у Аллаха, иначе за самоуправство он сам отправит тебя к вашему богу.

«Матрос» зло сверкнул глазами и нырнул в пролом. Можно было и не говорить так резко, а то это красноречие мне еще аукнется. С другой стороны, арабам меня любить не за что, да и задерживаться на Корабельном Острове в мои планы не входило.

Выброс эмоций немного ослабил давление в голове, и там начала оформляться довольно интересная мысль. Можно было бы прямо в этот же момент развернуться и уйти, но тут на палубе появился Золотой.

– Ты слишком наглый, чужак. Такие долго не живут. – Капитан вальяжно облокотился на фальшборт, глядя на меня сверху вниз.

– Ты считаешь наглыми всех, кто требует у тебя законную добычу?

– Если законную, то нет, – зло ухмыльнулся араб, и его ухмылка мне не понравилась.

Ох, как плохо соваться в дела, в которых ты совершенно ничего не понимаешь.

Сначала я хотел прямо потребовать оговоренные яйца, но сдержался.

– И что в моих требованиях, которые ты пока еще не слышал, незаконного?

– Ты пришел за яйцом?

– За двумя.

– Я тебе ничего не должен. Как и этой отрыжке шайтана Али. По закону Острова, добыча с выхода делится сразу по возвращении. Никто не виноват, что ты не явился на дележку.

– Прямо-таки никто? – начал заводиться я. – Может, другим капитанам будет интересно услышать о наших совместных приключениях?

– Во-первых, – начал демонстративно загибать пальцы араб, – с тобой никто говорить не будет. Во-вторых, поверят слову уважаемого капитана, а не дворянскому бастарду и оборванцу. И в-третьих, через пару минут свои истории ты будешь рассказывать уже рыбам.

В финале речи голос Золотого перешел с издевательских на угрожающие интонации. Над бортом показались головы десятка подручных капитана. Их лица не предвещали мне ничего хорошего.

Ох, как плохо, что моя нагината осталась в щели прибрежных скал. Я чуть отступил назад, опуская руки. Под предусмотрительно расстегнутой курткой у меня находилась перевязь с пятью ножами. Так что парочку противников я достану еще во время прыжка через борт. А вот потом будет кисло.

Внезапно за спиной раздался плеск воды. Блин, ну надо же быть таким идиотом, чтобы забыть о контроле тыла? Разворачивался я уже с ножами в руках, но так и застыл, не пустив их в дело.

– Эй, Ибрахим, – в небрежном возгласе Али чувствовались нотки, которые я слышал в советском фильме от персонажа по имени Саид. Лысый поводырь даже внешне напоминал этого актера. Такой же потрепанный жизнью, но не сломленный и очень опасный, – похоже, у тебя уже входит в привычку нарушать свое слово. Поверь, Аллаху это не понравится.

Таким же небрежным, как и голос, пинком Али вновь спихнул с мостков «матроса», который пытался уцепиться за них. Небогато украшенная, но явно хорошего качества сабля выскользнула из ножен поводыря.

– Вы, бешеные собаки! – выверился Ибрахим, но уже было ясно, что он отступил. – Если еще раз попадетесь мне на глаза, клянусь Аллахом, пуцу на корм рыбам. Убирайтесь отсюда! Я ничего вам не должен!

– Пошли, – Али небрежно бросил саблю в ножны, – он действительно ничего нам не должен. Каюсь, я просто не успел к дележу, да и если бы успел, вряд ли что-нибудь выгорело.

– Почему ты мне помогаешь? – не удержался я от вопроса.

Али недовольно поморщился, но все же ответил, когда мы отошли подальше от судна Золотого:

– Что-то мне подсказывает, что ты все же доберешься до яиц.

– И что заставляет тебя так думать?

– Ну, по тому, как ты разговаривал с Золотым, было по-

нятно, что добыча с выхода тебе не очень-то нужна. К тому же ты как-то добрался сюда от берега без лодки.

– А с этим есть какие-то проблемы?

– Как ты думаешь, почему этот шакал лезет на мостки, словно его за ноги хватает сам шайтан? – вопросом на вопрос ответил Али, кивая головой в сторону корабля Золотого.

Действительно, отрезавший мне пути к отступлению моряк вылез на мостки едва ли не прыжком и сейчас выглядел очень напуганным.

Однако.

Осмысление этого факта я оставил на потом и задал еще один насущный вопрос:

– Али, если бы ты не понял, что у меня есть запасной вариант, то оставил бы на расправу людям Золотого?

– Конечно, – пожал плечами бывший поводырь и спокойно зашагал по мосткам.

Глава 2

Тайны Хоккайдо

Дым лампад на рыбьем жиру витал под потолком-палубой и затем медленно опускался легкой взвесью до пола таверны. Граннус экономил на магических светильниках. Еще вечером здесь горели два не очень мощных шара, а вот ближе к ночи, когда за столами оставались лишь пьяницы, в ход шел дешевый рыбий жир. В этой атмосфере и без того унылое настроение людей, которым не удалось достигнуть успеха на Корабельном Острове, лишь усугублялось. В такое время здесь и в других кабаках Острова собирались те, кто пока не решился идти на берег, но при этом не смог найти работы на кораблях. Содержащие сахар водоросли – возможно, тоже являвшиеся придумкой древних магов – давали отвратительное и в то же время очень дешевое пойло. Я понюхал свою кружку и невольно вздрогнул. Эту бурду мы с Али пили уже неделю. Точнее, делали вид, что пьем. Граннуса пришлось вовлекать в наш заговор, потому что сохранять видимость и не проколоться в глазах того, кто наливает и, самое главное, руководит уборщиками, невозможно.

– Я – спать, – недовольно прокаркал Али.

– Согласен, – пьяным голосом ответил я.

Мы вместе поднялись и, поддерживая друг друга, напра-

вились к лестнице на палубу, а затем по переброшенным на соседнее судно сходням перешли на гостиничный корабль. Все это время за нами наблюдала любопытная пара глаз уже давно вычисленного Граннусом соглядатая.

Теперь мы с Али жили в одной каюте, хорошо хоть местная молва не усмотрела в подобном факте совместного проживания двух алкашей ничего предосудительного в плане нестандартной ориентации. Все логично – дворянин-неудачник пропивает последние деньги в компании того, кто спас его от злющего капитана.

– Вот мерзость, – невольно поморщился я, сглатывая горькую слюну. Плевать в каюте не хотелось. – Может, все-таки попросим Граннуса наливать нам нормального вина?

– Ага, а что делать, если вновь кто-то подсядет, – отказать в угощении? К тому же «зеленка» не так уж плоха, – не согласился Али.

– Вот-вот, точно «зеленка», – проворчал я, хотя мне в прошлом и не доводилось пробовать раствор «бриллиантового зеленого».

– Ты о чем?

– Забудь, – мне осталось лишь отмахнуться: не объяснять же ему, что такое земная «зеленка», – давай займемся делом.

И мы занялись. А именно – продолжили шить упряжь для акайси. Это была практически последняя деталь амуниции для задуманного мною плана. Как ни странно, при всех подсказках окончательно идея оформилась лишь при виде по-

спешно вылезавшего из воды поделника Золотого.

Постепенно крупица за крупицей я выискивал информацию об Острове. Что-то знал Али, что-то было известно Граннусу, но все равно это были лишь крохи – капитаны хранили свои тайны очень ревностно. И все же общая картина начала вырисовываться. Как оказалось, акаяси отнюдь не являлись обитателями исключительно пресных вод. В море их не использовали как буксиры только по причине сложности контроля и неудобства подобного способа при сильном волнении, так что все вернулось к парусам.

Дикие акаяси жили по всей территории бухты, и, честно говоря, ума не приложу, как мне удалось добраться до кораблей в целости и сохранности. Впрочем, как оказалось впоследствии, страхи обитателей острова были преувеличены – к самим кораблям акаяси приближались очень редко, реагируя лишь на шум празднеств по поводу удачных выходов.

Попутно удалось узнать, что сбор потомства акаяси прост до безобразия – бны мечут икру, и часть икринок просто всплывает на поверхность воды. Вот и все геройство.

С сухопутными бни все намного сложнее – здесь крылась не только опасность быть сожранным, но и множество других нюансов и секретов. Очень вовремя я вспомнил о тех странных авоськах со вспыхивающими камешками. Эта тайна не давалась дольше всего, и ответ был получен лишь благодаря моему первому знакомому на острове – последнюю деталь в мозаику плана добавил арабчук Малик.

Граннус хорошо знал парня – насколько это было возможно в среде мародеров – и ручался за его честность. Малик работал на Биляла – одного из главных торговцев и знал, что «авоськи» являются артефактами, которые определяли стадию развития зародыша в яйце. Это очень важно, ведь после определенного срока хороши на материке уже не могли «активировать» скрытые функции в зародышах, чтобы получить управляемых зверей. Именно поэтому подельники Золотого забраковали часть яиц в логове коваев. К тому же артефакт сильно замедлял развитие зародыша, а это было немаловажно.

Назначение «авосек» мы узнали, но толку от этого было немного. Даже если бы нам удалось как-то объяснить причину покупки артефактов, денег на это у меня все равно не было.

В решении этой проблемы тоже помог Малик. Парень решил рискнуть, и я его понимал – разбогатеть, не высаживаясь на Черный Пирс, здесь было невозможно. Так что на такую наживку он клюнул, почти не раздумывая.

– Ну вроде все, – разогнув спину, сонно потянулся Али.

Как скорняк он оказался намного способнее меня, поэтому делал основную работу и при этом совершенно не ворчал. Оно и правильно – на остров мне предстояло идти в одиночку. Первый же эксперимент с акайси обнадеежил и разочаровал одновременно – подводные монстры хоть и со скрипом, но откликнулись на мой «призыв», но, увы, совершенно не

хотели слушаться Али. Похоже, верховный хорох был прав, и я все-таки обладаю редким даже для поводырей даром укротителя.

Что ж, придется делать все самому.

Али подергал готовую упряжь, модель которой мы оба пытались воссоздать по отрывистым воспоминаниям. Хотя подводные наездники – это изобретение аравийцев, Али, как поводырь хидоя, о пловцах знал не больше моего.

– Ты бы лег поспать, а то скоро выходить.

– Хотя бы не напоминал, – недовольно проворчал я, но все же лег на кровать.

Уснуть удалось не сразу, мысли постоянно возвращались к следующей ночи – ощущение, что отправляюсь на верную смерть, не давало покоя.

И все же едва заметное покачивание корабля-гостиницы и тихое ворчание Али, в сотый раз проверяющего амуницию, смогли убаюкать встревоженный мозг.

Проснулся я ближе к полудню. Прекрасно выспавшийся и полный решимости.

В свою вотчину без нового питомца я не вернусь!

В каюте помимо Али присутствовал Малик. Он смотрел на меня словно на Персея, идущего сражаться с Горгоной, и сейчас выглядел как маленький мальчик, несмотря на полные восемнадцать лет от роду. Впрочем, как бы он ни робел, но свое дело сделал. На столе рядом с упряжью для акаяси лежала горка «авосек». Парень все же добрался до склада

своего хозяина и спер десятков артефактов. Рискованно – за такое здесь вязали по рукам и ногам и, подвесив груз, бросали в воду. Но, повторяюсь, для парня этот риск был вполне оправданным.

В животе заворчал, и, словно услышав этот звук, в каюту ввалился Граннус с коробкой в руках.

– О, ты уже проснулся; я принес вам пожрать и сказать, что пока все тихо. Сортир на корме я закрыл и сказал постельцам, что следует ходить в тот, что на носу. Так что путь открыт, – хихикнул здоровяк.

– Граннус, не смешно, – возмутился Али. – Вздумаешь хоть кому-нибудь рассказать, что Вахид лазил через...

– Али, успокойся, мне без разницы, что подумают местные аксакалы, – отмахнулся я, в который раз примеряя на себя, можно сказать, новое имя. «Владислав» оказалось для араба слишком сложным, поэтому он исковеркал его в Вахида. Сначала было Валид, но Али сам сказал, что «новорожденный» – не очень хорошее имя для воина, хотя что-то в этом было, ведь для этого мира я был действительно новорожденным.

После эксперимента с акаяси Али уверенно окрестил меня Вахидом – «несравненным, уникальным». Что ж, пусть буду Несравненный. Подобное величание немного смущало, но все равно было приятно.

День стремительно близился к завершению, и, как обычно бывает в таких делах, мы не успевали учесть все мелочи.

Ближе к закату в комнату заглянул Граннус.

– Владислав, пора. Али, перебирайся в таверну. Удачи тебе, эрл.

– Спасибо, Граннус, удача мне не помешает.

Перед уходом Али помог мне накинуть на плечи амуницию. В полном обвесе я напоминал чокнутого парашютиста. Гидрокостюм мне заменил наряд местных рыбаков из пропитанного какой-то гадостью плотного материала. На голове была шапочка из той же ткани. На спине висел объемный рюкзак, а на груди подобием запасного парашюта всю конструкцию уравнивал «термос» мини-акваланга. Композицию завершали магические очки, которые достались мне от Богдана – мага-артефактора, служившего на аравийско-брадарской границе. Кроме продажи очков, перед расставанием Богдан бесплатно заправил мне артефакт в акваланге, так что расстались мы друзьями.

По плану и в соответствии с легендой Граннус перевел нас с Али в самую дальнюю по коридору комнату, у самого туалета, так что мне всего лишь было нужно пройти пару метров. Но для начала следовало осмотреться, чтобы от вида такого монстра с огромными очками «офигевшего сварщика» никого из постояльцев не хватила кондрашка. К тому же вся конспирация полетит к чертям.

Прошмыгнув в туалет, я прислушался к шуму в коридоре. Кажется, все в порядке. Эта конструкция, как и многое на корабле-гостинице, не была задумана корабелями, а по-

явилась значительно позже. За проломом в кормовой части на косых распорках повисла небольшая будка с отверстием в полу. Хотя я и не разделял предрассудков Али о чести воина, но все же исполнение задуманного не приносило мне особого удовольствия. Присев в интернациональной позе, я постарался полностью расслабиться. Как ни странно, именно такая позиция способствует самому умиротворенному состоянию, это известно всем любителям помечтать на унитазе.

При недавних экспериментах я сделал небольшое открытие. Головная боль и кровотечение из носа и ушей, приключившиеся со мной в бою на границе и во время экзерсисов под гладью Долги, случались не от силы и дальности воздействий, а от резкости и напора. Так что теперь я очень медленно увеличивал радиус ментального «радара», выискивая под водой искорки сознания диких акаяси.

Вот на грани восприятия мелькнуло узнавание. Так, теперь главное – не спешить. Они, даже в диком виде, без инициации, все же были задуманы как «умные инструменты», так что контакт удавалось наладить быстро. Но с дикими экземплярами прямой приказ не работал, особенно на таком расстоянии. Так что сначала сыграем на любопытстве, как с коваями на острове.

В сторону замеченного акаяси полетел сигнал о чем-то интересно-вкусном вблизи массива кораблей. Угорь-переросток среагировал моментально и в считанные секунды доплыл до Корабельного Острова.

Так, теперь попробуем взломать его защиту.

Холонокровный и главное – туповатый óни поддавался влиянию легче своих сухопутных собратьев, но повозиться все же пришлось.

Когда ошарашенный моим напором акаяси покорно замер в толще воды, пришла моя очередь двигаться. Средние доски туалета были предварительно лишены гвоздей, поэтому легко поднялись, освобождая мне путь вниз. Вода поблескивала под закатными лучами в добрых полутора метрах от меня, так что пришлось сначала уцепиться руками за пол и лишь после этого с тихим плеском входить в воду.

Мысленно чертыхнувшись, я уже под водой уцепился зубами в загубник на медной трубке. Воздух выходил из баллона с усилием, и я в который раз пожалел об отсутствии нормального легочного автомата земных аквалангов.

Небольшая заминка ослабила контроль, и акаяси недовольно заворочался, развернувшись ко мне зубастой мордой. Не самое, скажу вам, приятное зрелище. Резкое усилие все же вызвало легкую головную боль.

Да чтоб тебя, укротитель гребаный!

Акаяси вновь замер, позволяя мне опутать его ремнями упряжи. С непривычки делать это было очень трудно, а время утекало как вода по течению. По уверениям Богдана, у меня около трех четвертей часа нахождения под водой, так что стоило поспешить.

Наконец-то упругая, как у дельфина, шкура монстропо-

добного угря была обтянута ремнями, и я, уцепившись в них, послал в крошечный мозг команду.

Офигевшие суслики!.. Акаяси так резко рванул с места, что под напором воды едва не потерял седока, а седок чуть не остался в одних портках.

Уцепившись сильнее, я снизил скорость зверя и повел его вверх. Конспирация конспирацией, но нужно засечь ориентиры, да и побережь воздух в акваланге.

Кольшущаяся мембрана поверхности воды в лучах заката снизу напоминала расплавленное золото, нанесенное на огромный голубовато-зеленый кристалл воды. В очках Богдана окружающий меня подводный мир выглядел потрясающе красивым. Я не был на Красном море и не видел его подводных красот, но уверен, таких красок даже там нет.

Засмотревшись на мерно кольшущиеся плети разноцветных водорослей, среди которых мелькали искорки мелкой и не очень рыбы, я пропустил момент контакта с поверхностью воды. Расплавленное золото расплескалось по моей голове, открывая вид на яркое в лучах утопающего солнца небо и тусклое пространство между небом и водой.

Так, теперь ориентир.

На то, чтобы определить, где находится выход из канализации, а также схрон с моей одеждой и оружием, пришлось потратить почти всю седмицу. Да и то нет гарантии, что я не ошибся. Несмотря на конспирацию, выход пришлось приурочить к последним минутам дня, чтобы не пропустить по-

хожую на вскинутую лошадиную голову скалу.

Немного повертев моим «скакуном», мне все же удалось найти ориентир и направить акаяси в нужную сторону. Соленые брызги мешали нормально дышать, но я не прикасался к загубнику, даже перекрыл клапан. К тому же свежий воздух был намного приятнее.

По достижении приметной скалы я не направил акаяси на глубину, а подплыл к приметной скальной полочке. Интересно, как мне удалось уместиться здесь тем вечером?

По шкуре акаяси пробежала недовольная дрожь, когда он процарапал ею заросли ракушек на линии прибора.

Штормов в хорошо защищенной бухте Хоккайдо не бывает, так что мои вещи остались на месте.

Заберу их на обратном пути; ну а сейчас переходим к самому важному. Закусив загубник, я послал акаяси ко дну расщелины. Привычный мир с плеском схлопнулся за спиной, и нас вновь принял мир подводный. Каждый раз, совершая этот переход, и на Земле, и здесь, удивляюсь дикому контрасту между пространствами, разделенными лишь хрупкой преградой. Там царил суетливый ветер и истеричные чайки, а здесь все жило и двигалось плавно, неторопливо, при этом мощно и основательно.

Над морем умирал закат, под поверхностью моря даже в прозрачной соленой воде и в очках Богдана стало трудно что-либо разглядеть. Но это разрешимая проблема. Прямо к баллону мини-акваланга был пристегнут подводный фонарь.

Магическим светильникам было без разницы, где светить, над или под водой. Для большей скрытности и удобства я поместил шар в жестяной кулек с ручкой – эдакий рупор, из которого лился не звук, а свет.

Защелка на стеклянной оплетке шара послушно передвинулась на новое место, и подводное царство озарил луч света, который тут же рассеялся в толще воды. Акаяси дернулся от неожиданности, но был быстро приведен мною в первоначальное состояние.

Работать с этим видом бни было одновременно и просто и сложно. Они хорошо поддавались влиянию, при этом никаких установок не принимали и забывали о приказе уже через секунду, так что «подруливать» мне приходилось постоянно, как на велосипеде, – чуть расслабился, и все насмарку.

За время моего отсутствия ничего кардинального в этом месте не произошло – три большие трубы по-прежнему извергали мощные струи воды. Хорошо хоть на Хоккайдо никто уже не жил, иначе из этих труб лилось бы нечто менее приятное.

Так, теперь – важный момент. Изначально я сильно опасался, что у акаяси не хватит сил, чтобы преодолеть напор воды, но все прошло как по маслу. Разогнанный мною угорь-переросток влетел в трубу и устремился против мощного течения с завидным упорством. По ощущениям казалось, что мы несемся в трубе с бешеной скоростью, но на самом деле – не больше метров тридцати в минуту.

Наградой за десяток минут борьбы с течением стал прорыв в обширное пространство. Сначала я не узнал этого места, но вид подсвеченного фонарем овального проема в потолке и трех горизонтальных труб вернул все на свои места.

В крайнюю справа трубу акаяси пришлось подниматься, словно лососю вверх по ручью. Мощное тело подо мной заработало в диком темпе, и через секунду мы скользили в широком акведуке квадратного сечения, с менее мощным течением. Здесь даже была прослойка воздуха, но, помня удары головой о потолок, я не рисковал отрываться от акваланга.

Наконец-то потолок удалился куда-то во мрак, и мы заскользили по каналу, по обеим сторонам которого шли широкие пандусы.

Что ж, хорошего понемногу.

Заметив удобную заводь в виде бассейна, перпендикулярно отходящего от основного канала, я повернул акаяси туда. Как и было предусмотрено конструкцией, с помощью пары застежек упряжь легко сошла с моего «скакуна», который, почувствовав свободу, тут же вспенил воду мощными ударами хвоста и через секунду исчез в канале.

Что ж, будем считать это место промежуточной базой моей вылазки. Осталось перекрыть клапан акваланга и аккуратно разложить упряжь на каменном полу. Оставлять дыхательный аппарат здесь было бы рискованно, поэтому он остался на мне – мало ли когда мне придется сигать в воду и уходить от опасности...

Добравшись до места, спешить не было смысла, поэтому я внимательно осмотрелся.

Еще в городе, на поверхности, я удивился странности архитектуры этого места. Она мало напоминала японский стиль, хотя пара приметных крыш все же присутствовала. А под землей вообще появилось ощущение, что нахожусь внутри какого-то окаменевшего животного. Частью проходы напоминали обтянутый шкурой скелет – вид изнутри. А порой вообще тоннели походили на чей-то кишечник. Не самое приятное место.

Хотя чему удивляться: этот город строили не только люди – все рассчитывалось как на обычных «хомо сапиенс» невысокого японского типа, так и на рабов-хорохов и их хозяев-яхнов. Как выглядят похожие на гуманоидных птиц хорохи, я знал, а вот внешний вид таинственных яхнов был мне неведом, впрочем, как и большинству обитателей этого мира. Эта тайна умерла вместе с жителями Хоккайдо, а из памяти беженцев их вымыло течением времени.

Осматриваться можно было до бесконечности, но под землей, несмотря на теплый климат острова, было довольно зябко, так что следовало двигаться, но перед этим проверив окрестности. Плюхнувшись на пятую точку, я поджал ноги в удобное для медитации положение и начал потихоньку раскручивать свой «радар». В принципе мои таланты позволяли засечь не только сильно «фонящих» в ментальном плане бони, но и других животных. Людей обнаруживать было слож-

нее, не говоря уже о контроле. На подобные подвиги были способны только хороши, и то при телесном контакте, от которого меня частично защищала дворянская татуировка на виске.

Сквозь камень потолка пробиться не удалось, но можно было с уверенностью сказать, что дальше по коридору все чисто. Нет даже крыс. Жизнь на Хоккайдо приобрела довольно однобокий вид, отдавая предпочтение магическим существам. Что ж, ничего удивительного – именно так заканчивается любое слишком грубое вмешательство разумных существ в гармонию природы. Но даже здесь выстроилась своеобразная пищевая пирамида – хах-коваи питались растениями, коваи охотились на медлительных здоровяков, а хидои и сагары жрали всех, включая в меню друг друга.

Пролом, в который я ухнул, убегая от дикого сагара, пришлось искать пару часов. И это были не самые приятные два часа в моей жизни. Хорошо хоть светильник давал достаточно света. Даже не знаю, как бы я чувствовал себя, выхватывая он из мрака только отдельные участки. Детский страх темноты живет в нас до старости. Кому-то удается его приглушить, кому-то нет. Но вот в такие моменты, когда тебя окутывает не просто тьма, а тьма загадочного, практически потустороннего места, понимаешь, что с возрастом образовывается всего лишь тонкий налет неверия. А в детстве мы действительно видели нечто недоступное взрослым, и таинственный Бабайка по-прежнему обитает в ночном мраке,

просто он уже не может дотянуться до твоего страха сквозь корку взрослого равнодушия и скептицизма.

Что же касается подземелий Хоккайдо, здесь могли обитать такие «бабайки», которые питаются не только страхом, но и мясом особо впечатлительных и не очень шустрых гостей.

Небольшой подъем привел меня на кольцевую площадку с мостиками, окружающую большой бассейн, через который проходил канал с бегущей водой. Метрах в десяти сверху над бассейном зияла большая дыра, сквозь которую заглядывала луна. Что ж, похоже, именно здесь я и приводелся. Теперь бы неплохо найти облагороженный подъем, причем это было необходимо не только для удобства. Служебный проход должен вести в здание, а оказаться ночью на открытой местности во владениях сагара очень не хотелось.

Первая попавшаяся мне винтовая лестница была завалена на самом верху, вторая вела в подземное помещение, из которого имелся только один путь наверх, в здание, от которого остались только две стены. Хорошо хоть я выглянул туда без фонарика. Половинчатая луна давала достаточно света, чтобы понять, что мне не сюда.

Спустившись обратно, я прошел еще метров тридцать, обнаружил совершенно стандартную винтовую лестницу из камня и вышел в целую анфиладу сводчатых подземелий. От первой же присыпанной пылью груды барахла повеяло родными пенатами. У стенки валялись элементы упряжи для

хах-коваев – седла-ящики, дополнительные корпусные ремни, металлические накладки на голову и хвостовые булавы. Сначала в моей голове возникли нехорошие мысли об аккуратности древних коллег, но дальнейшее вернуло подпорченное уважение к ним. Здесь явно кто-то пытался создать баррикаду, но неведомая сила расшвыряла ее, словно детские кубики.

В следующих помещениях все было в полном порядке: массивные части звериной брони стояли ровными рядами у стен, а мелкие размещались на полках длинных стеллажей. На всем этом лежала печать уныния и запустения, вещественным проявлением которых были толстый слой пыли и полосы сиреневой плесени на стенах.

На первый взгляд здесь находилось немалое богатство, потому что большая часть брони имела позолоту и серебряные накладки, но ячейки для артефактов пустовали, так что добыча ждала меня где-то дальше. К тому же эту часть подвала следовало покинуть максимально быстро. Разбросанная баррикада и, что важнее, отсутствие тел говорили о том, что сюда наведывались нынешние хозяева Хоккайдо.

Анфилада подвалов уходила вдаль, но я покинул ее в четвертом по счету помещении. Боковой ход, словно специально предназначенный для того, чтобы туда не пробрался даже хидой.

Высокий и при этом узкий коридор два раза поворачивал, а затем переходил в лестницу. Несколько раз встреча-

лись развилки и винтовые каменные лестницы, по которым я и взобрался на пару уровней выше. Вряд ли здесь ходили гордые самураи-поводыри, больше всего коридор был похож на пути для obsługi – занимает меньше места в архитектурном ансамбле и безопаснее в плане соседства с ними. Даже в Ониборге не вся обслуживание относилась к питомцам с такой нежностью, как мой нынешний управляющий Элбан, многие побаивались жуткого вида магических зверей на подсознательном уровне.

Возможно, потому что я, подчиняясь чувству страха, шел по узким переходам, мне удалось попасть на жилой этаж казарм, минуя закрытые двери и баррикадные завалы.

А вот здесь японская культура чувствовалась в полной мере – деревянно-бумажные стены комнат. Плетеные циновки на полу. А еще расписанные ширмы, настенные рисунки и продолговатые свитки со сценами из жизни нихонской онигвардии.

Первые десяток картин прошли мимо моего внимания, но затем изображенные на них странности начали пробиваться в напряженное сознание.

– Да чтоб меня!

На добрый час я совершенно забыл о своих поисках и сверхзадаче. Так вот незаметно и, казалось бы, в не самом подходящем для хранения секретов месте, предо мной раскрыла свои покровы главная тайна Хоккайдо.

С живописных полотен разной формы и жанра на меня

смотрела жизнь уникальной цивилизации. В казармах жили воины, и потому пейзажей и аллегорических картин здесь было не так уж много, а вот сцен с воинами и правителями хватало. И нигде – то есть абсолютно нигде! – не было пресловутых яхнов. Только нихонцы и хорохи. И на рабов изображенные птицелюды не очень-то походили.

Добила меня большая настенная фреска, где за большим столом со схемой боя склонились четверо нихонских генералов. Все они внимательно смотрели, как замерший на стуле-жердочке хорох тычет в точку на карте своим тонким и когтистым пальцем.

Это что же получается – все это время хорохи водили людей за нос! В голове тут же замелькали уже давно придавленные мысли о том, что нелюди тайно контролируют людей на всем континенте! На секунду я почувствовал себя в шкуре Нео из голливудского триллера.

Матрица имеет тебя. Блин, вот засада!

Напряжение ночной вылазки и шок открытия окончательно выбили меня из равновесия. Тело забила мелкая дрожь. Мрак вокруг начал клубиться, пытаюсь задушить отблески света, расцветивающие картины вокруг. Некстати проснулась присущая всем людям паранойя.

Так, нужно немедленно успокоиться!

Лучше всего для восстановления душевного равновесия подошла небольшая каморка, в которой, судя по швабрам и ведрам, хранились инструменты уборщиков. Ничего, зато

там были крепкие стены и массивная дверь, которую я заклинил изнутри кинжалами.

Скрываясь за потугами разобраться в лавине вопросов, тихонько подкралась усталость под ручку с дремой, и я уснул.

Когда мир вновь постучался в мое сознание узкими лучиками сквозь маленькое окошко в двери, ночные страхи отошли на задний план.

Утро действительно мудренее вечера. И чего, спрашивается, впадать в панику – продуманные до безобразия хорохи очень далеко, а местные обитатели и мои нужды – вот они, под боком. Так что проблемы будем решать в порядке очередности.

Проход между жилыми помещениями нихонских гвардейцев в льющихся из широких окон лучах света выглядел по-другому, и все же за время моего сна здесь ничего не изменилось. Фрески уже не пугали своей таинственностью и глубоким смыслом. Ну не было здесь мифических яхнов, а всего лишь знакомые хорохи! Хотя кто сказал, что яхнами не были те же птицелюди, просто другой касты?

Так, все вопросы оставим на потом! Для сагара я, даже отравленный вопросами и сомнениями, менее вкусным не стану.

Главное – понять, почему меня вообще занесло сюда, в ореол обитания самого опасного бни на Хоккайдо?

А что тут думать – захотелось заполучить сагара в питом-

цы! Ну не бред ли? Ковая вам, эрл Воронов, видите ли, недостаточно...

Постаравшись выкинуть из головы и эти мысли, я осторожно подобрался к окнам казармы.

Вот вам и приехали! На два этажа ниже подо мной простилалась знакомая двухуровневая площадь, на которой сагар схлестнулся с хидоем.

И где-то на этой территории должен находиться мой новый знакомый. Несмотря на довольно большие объемы казарм и широкие окна, ему здесь будет тесновато, но залезть внутрь он все же сможет, так что нужно быть осторожным.

Так, под дождем даже в такой броне наверняка не очень уютно, тем более сагару нужно где-то прятать яйца. В голове возник вопрос о том, есть ли у сагаров определенные периоды, когда они откладывают яйца. К тому же было важно, с кем мне придется иметь дело: с сагаром-папой или сагаром-мамой. Вопрос не праздный, потому что в случае с «папой» мне достанутся немножко не те яйца.

Параллельно с обдумыванием я взглядом обшаривал большую площадь. Во время своих забегов от разных преследователей времени на это как-то не было.

Площадь перед главными казармами бни-гвардии была прекрасна даже в разрушенном состоянии. Поглотившие город заросли, словно уважая красоту, лишь дополняли новый вид древнего ландшафтного дизайна. На верхней террасе у самой стены, которую частично разломал хидой, стояли

ажурные каменные беседки, в которых присутствовали все детали японской культуры. Между беседками росли карликовые деревья, словно гирляндами украшенные дикими лианами с большими листьями. Там же имелись небольшие «сады камней». На нижней террасе были разбиты плац и тренировочная площадка для бни, в принципе ничем не отличающаяся от такой же в Ониборге.

То, что я принял за дождевые водоотводы, являлось декоративными каналами, которые закончились внизу высохшими фонтанами. Убегая от хидоя, я даже не заметил, что закончил свой «санный» спуск именно в фонтане.

Так, все это, конечно, интересно, но где может находиться логово сагара? Словно отвечая на мысленный вопрос, взгляд невольно вернулся к беседкам на верхней площадке.

Точно, в самой большой из них, рассчитанной на посиделки как минимум двадцати человек, чувствовалось некое цветовое несоответствие. Белый камень и сиренево-зеленая растительность были разбавлены чем-то бурым, даже ближе к темно-алому. Словно кто-то пролил кровь в асбестовую пыль.

Расстояние было достаточно большим, но мне показалось, что я заглянул прямо в глаза лежащего в беседке монстра. Ноги подогнулись сами собой, пряча тело под подоконником. Сердце бешено заколотилось о ребра.

Меня здесь нет, меня здесь нет...

Попытка повлиять на ментальное поле находящегося в

сотне метров зверя отдала болью в голове и при этом была совершенно бесполезной, даже наоборот. Сагар меня не заметил, зато почувствовал контакт.

Меня здесь нет. Меня здесь нет...

Теперь я пытался влиять на себя, стараясь полностью отключиться от внешнего мира и стать камнем.

Кажется, получилось – за окном все было тихо.

К внутренним помещениям я перебирался на карачках и, лишь забившись в узкий коридор в толще дворцовых стен, немного успокоился.

И как вы, эрл Воронов, собираетесь добывать яйца, если впадаете в панику от одного вида «наседки»?

Ответ на этот вопрос мне был неизвестен. *Пока* неизвестен.

Немного успокоившись, я для начала перекусил отвратительным на вкус брикетом из смеси водорослей и рыбы, запив это водой из фляги, а затем приступил к поискам.

Лабиринт узких ходов оказался не таким уж сложным, и через час удалось понять суть его построения.

Еще через пару часов я определил для себя структуру дворца, в котором имелись четыре главных помещения дворца. Сами жилые казармы, на одном из этажей которых мне пришлось заночевать. Главный зал, явно служивший церемониальным мероприятиям. В подземной части дворца располагались уже виденные мной кладовые и находившийся в самом конце подвальной анфилады целый комплекс арсена-

ла.

Первые три места ничего особого не дали, если не считать возможной добычи с кучи высохших трупов в церемониальном зале, но к ним я подойду только в самом крайнем случае. Да и специальный футляр для изоляции активированных на другого носителя артефактов у меня только один. Золото меня интересовало в последнюю очередь. В плане информации церемониальный зал подтвердил вчерашнюю догадку. На главном помосте у огромного витража находились четыре нормальных кресла и три специализированных насеста для хорохов. Так что легенда о рабском положении птицелюдов в нихонской империи развалилась окончательно. Как минимум в бни-гвардии они занимали высокое положение.

В Ониборге верховного хороха уважают, но он все равно является рабом.

За главным залом был еще один коридор, без сомнения ведущий в интересное место, но я так и не дошел даже до середины этого перехода – интуиция дико взвыла и маячившие вдалеке ворота на секунду показались входом в ад. Там наверняка много очень «вкусного», но труп трофеи без надобности. Для успокоения совести я бросил вперед кусок развалившейся статуи самурая и в ступоре наблюдал, как камень сначала медленно поплыл в воздухе, а затем в нем же и растворился.

Забодай меня хомяки!

Обратно я пятился спиной вперед и очень медленно.

А вот с арсеналом мне, как ни странно, повезло, иначе пришлось бы удовлетвориться только обиранием скелетов. В дальней части подвально-складской анфилады в момент гибели Хоккайдо состоялся жаркий бой. Судя по останкам, здесь бились воины обслуги, то есть те, кто не был в состоянии контролировать атакующих бни. Они умерли с честью – среди почти сотни человеческих останков валялись не меньше трех десятков тел коваев и даже две наполненные костями панцирные коробки хидоев.

Они попали в подвал сквозь пролом в потолке, который нынче был затянут дикой растительностью, но о нем мне не стоило забывать.

Баррикада из амуниции хах-коваев находилась прямо в воротах арсенала, так что путь в «сокровищницу» был открыт и очень ценные вещи начали попадаться прямо здесь. На баррикаде кто-то закрепил три станковых арбалета, причем не простых, а многозарядных. У каждого имелось по пять стальных дуг на соответственное количество массивных стрел. Вот, оказывается, каким образом были убиты атакующие люди хидои.

Что же здесь все-таки произошло? Почему погиб великий город? Почему взбесились бни? И какую роль во всем этом сыграли хорохи?

Сплошные вопросы, а ответов на них нет и не предвидится. Пока мне не попадалось ни библиотек, ни дневников очевидцев.

Как только я перебрался через завал, мощный фонарь высветил огромное помещение, чем-то похожее на гибрид библиотеки и фантасмагорической камеры хранения с разного размера ячейками. К верхним рядам ячеек вели пологие лестницы. Ярусов с круговыми балконами имелось ровно пять штук.

Покусай меня бабочки! Это сколько же здесь добра?

Внутренняя жаба забилась в счастливом припадке, но паранойя тут же принялась нашептывать на ушко, что не все здесь так просто. Именно этот шепот заставил меня прикоснуться к ближайшей дверке не рукой, а кончиком собранной нагинаты. Вспышки я не увидел, но то, что она была, определил по плавающим в глазах пятнам. Определил, когда встал с пола в центре зала. Меня отбросило на пару десятков метров от потревоженной ячейки!

Что, эрл Воронов, облом?

Настроение было и так не самым радужным, а оплавленный кончик моего оружия сделал его еще хуже.

От разочарования хотелось выть, и я бессильно сел на пол.

Ну почему так? Если судьба подносит аппетитно выглядящий пирожок, то обязательно с чем-то гадким внутри. С другой стороны, возможно, в этом и состоит равновесие Вселенной.

Эта мысль меня разозлила.

Так, если есть равновесие, то мне полагается хоть кусочек от этого гигантского пирога. Не знаю, на чем основывалось

мое предположение, но, как ни странно, оно получило свое подтверждение.

Внимательно осмотрев овальный зал, кроме нескольких тел защитников баррикады, которых убили уже внутри арсенала, я заметил тело хидоя, лежавшего у нижнего ряда хранилищ. Подойдя поближе, удалось рассмотреть, что он не просто погиб, прислонившись к стеночке, а некоторое время перед смертью потратил на месть своему «убийце». Убийцей в данном случае выступил защитный артефакт одного из хранилищ. Судя по всему, хидой догнал кого-то из людей у самой стенки и сцапал его в прыжке, а затем по инерции врезался в нижний ряд дверок. И так же, как и я давеча, получил солидный удар. Однако массивный зверь не отлетел от удара и очень даже разозлился. Конечно, бедному бни трудно было тягаться с мощным защитным артефактом, и он погиб в неравной схватке, но перед этим выворотил три дверки в нижнем ряду.

Посмотрев на практически пустой панцирь, в который превратился когда-то мощный зверь, я мысленно поблагодарил его и приступил к осмотру ячеек хранилища. Повторный и очень осторожный эксперимент с нагинатой показал, что опасности нет. В этой части хранилища ячейки скрывались за квадратными полуметровыми дверками. Некогда дверки представляли собой практически произведения искусства, но теперь на погнутых поверхностях серебряная вязь чуждой письменности смотрелась удручающе.

Содержимое ячеек я выгребал нагинатой, словно лопатой. На первый взгляд получилась груда мусора, но это был драгоценный мусор. В глаза сразу бросились знакомые по оформлению коробочки. Три... нет, четыре вместилища артефактов, и, если мне повезет, они пока не настроены на владельца, но в такое везение верилось с трудом.

Увы, классификация защитных амулетов не была моим коньком, поэтому на содержимое коробочек я смотрел с сосредоточенностью идиота. Ничего особенного – стандартный кристалл артефакта, даже без оправы и цепочки.

И все же во мне живет большой ребенок – непреодолимый порыв толкнул-таки меня на эксперимент. Проколоть палец было делом одной секунды, и алая капля упала на грань небольшого кристалла.

На пару секунд я даже забыл дышать, а затем едва сдержал победный вопль, когда капля не скатилась по скользкой поверхности, а была поглощена амулетом. При этом мне ничего не грозило, а вот то, что я проделал через секунду, иначе как глупостью не назовешь. Я достал из рюкзака оправу моего старого кристалла, а затем, вздохнув, прикоснулся к артефакту в коробочке и... остался жив.

Конечно же по всем законам мироздания оправка к кристаллу не подошла. Причем не по объему, а по форме. Но когда это останавливало русского человека? С помощью кинжала и такой-то матери артефакт был помещен в оправу и для верности обвязан ремешком.

Это непередаваемое чувство, когда к коже прикасается кусочек прохладного кристалла... Только сейчас я понял, насколько мне этого не хватало. Новый для меня мир был пропитан магией – невидимой и опасной. А прогулки по Хоккайдо без средств защиты возвращали и без того разросшуюся паранойю. Теперь стало легче.

Для проверки я шагнул к целым ячейкам. Артефакт на шее тут же нагрелся, борясь с первичным, слабым поясом защиты.

Честно говоря, на остальные вещи в куче я смотрел с пренебрежением. Ни золотые побрякушки, ни две дорого украшенные катаны интереса не вызвали. А вот тонкий обруч для головы заинтриговал. Точно такой же я видел на голове одного из персонажей живописных сценок в казарме. Причем эта деталь присутствовала на головах как предводителей, так и простых поводырей.

Ладно, пусть побудет в котомке. Встал вопрос, куда девать все это богатство. Но решение нашлось тут же. Баррикада в дверях арсенала полностью состояла из амуниции хах-коваев, а там разномастных пристежных сумок было хоть соли впрок.

Подбор тары принес еще один приятный сюрприз. Когда я присел возле облюбованной сумки, руны на вставленной в широкий ремень бляхе засветились слабым светом.

Что это такое, мне было прекрасно известно. Мало того, с этими вещами у меня были связаны не самые приятные

воспоминания.

Школу поводырей я не окончил и был посреди обучения отправлен на фронт, поэтому совершенно не придал значения тому, что упряжь моего хах-ковая была не в полном комплекте. Затем мне подсунули трофейного хидоя, и уже тут отсутствие на нем защитных артефактов-передатчиков сразу бросилось в глаза. Конечно, эти детали в сбруе не работали без защитного амулета на седоке, которого у меня на тот момент не было, но все равно эта несправедливость меня задела.

В груди вновь недовольно заворочалась жаба.

Это сколько же здесь таких блях-передатчиков?

Противное земноводное никак не хотело успокаиваться, поэтому пришлось давить его после того, как было накоплено четыре тридцатикилограммовые сумки магических блях. Все это добро было отнесено к подземному каналу. Там же меня застали вечер и дикая усталость.

Даже о еде я вспомнил только в конце дня: жадность – великая сила. Она же заставила меня уснуть без малейших опасений, и лишь утром паранойя сумела достучаться до затуманенного меркантильными чувствами сознания.

Сейчас в моих руках было сокровищ на несколько десятков тысяч золотых, так что яйцо того же ковая можно попросту купить, но меня, что называется, понесло.

Очень хотелось заполучить в свое распоряжение легендарного сагара. Здравый смысл тонко пищал о том, что луч-

ше ковай в руках, чем сагар «в небе», но кто бы его слушал... Особенно учитывая, что план экспроприации яйца был уже готов.

Тут и думать нечего – станковые арбалеты на баррикаде буквально вопили о реальных шансах на успех. Осталось только решить, где произойдет главный номер этого смертельного представления. Можно заманить сагара через окно в казарме – он точно туда залезет, несмотря на третий этаж. Если промахнусь по цели в проеме окна, остальные четыре стрелы мне уже не помогут.

Оставался только главный зал.

Итак, приблизительный маршрут – я привлекаю сагара через окно и, пока он лезет вверх, пробегая по главному коридору, с двумя поворотами и лестничными пролетами. Проходы были достаточно широкими, чтобы сагар протиснулся, но медленно и с усилием. Последняя лестница выходила прямо в главный зал. А там меня будет ждать арбалет.

Раздельная переноска станка и самого арбалета, с последующим сбором на новом месте, закончилась мародеркой. Во время установки я заметил артефакты на телах поводырей. Да и украшений там было изрядно. Не скажу, что обирать трупы – это самое благородное занятие, но было как-то не до сантиментов, хотя, возможно, позже мне будет стыдно. Но надеюсь, это произойдет в роскоши безопасного владения Мен – моей вырубленной в скале резиденции.

К трем чистым артефактам прибавились еще шесть акти-

вированных на определенного носителя.

Два чистых амулета я с помощью самодельных щипцов поместил в одну коробочку, так что с моей старой коробочкой у меня были целых три защищенных вместилища. Туда и отправились шесть наиболее привлекательных защитных амулетов. Что интересно, при осмотре тел поводырей выяснилось, что они были убиты не своими питомцами, а стрелами. Еще одна тайна и еще одна пустота вместо ответов.

Страх вернулся ко мне уже после завершения всех приготовлений. Одно дело – поддаться жадности и решиться на подготовку безумного плана и совсем другое – сделать последний шаг к воплощению его в жизнь. У подземного канала меня дожидались семь больших сумок с безумными богатствами, но все это наворованное у мертвых воинов добро не шло ни в какое сравнение с обладанием таким великолепным зверем, как сагар. И даже если в гнезде не окажется яиц, я не мог упустить пусть призрачную, но все же возможность.

Обедать не стал – будет легче бегать, а если план хоть чуточку пойдет не так, ни обед, ни ужин мне уже не понадобятся.

Еще минут двадцать я сидел под подоконником в казарме, пытаюсь унять дрожь в коленках, а затем, шалея от собственной наглости, встал в полный рост.

Свист получился солидным, по всем мальчишеским дворовым канонам.

– Эй, рогатый! А ну подь сюды!

Отдыхавший в беседке сагар моментально вскочил на ноги. Он даже немного опешил от моей наглости, а затем над площадью пронесся тяжелый рокот.

Я успел лишь моргнуть, а огромный бронированный зверь, отдаленно похожий на примата, уже спрыгивал на нижнюю площадь. Его движения были чем-то средним между бегом человека и прыжками гориллы.

– Ох ты ж лысый ежик! – выдохнул я, ошарашенно глядя на темно-алую фигуру.

Он был быстр, неприятно быстр.

Мой мозг начал работать, только когда ноги уже донесли тело до дверей в коридор. Позади послышался грохот падающих на пол кусков стены и хруст деревянно-бумажных перегородок.

В повороты коридора, а затем и лестниц пришлось входить, как бильярдному шару от бортов, поэтому просторы главного зала я встретил с облегчением. Впереди, чуть в стороне от возвышения с набором кресел, меня ждал арбалет на крепкой станине, но теперь мне казалось, что в расстановке мной была допущена ошибка. И что самое обидное, совершенно непонятно, то ли арбалет стоит слишком далеко от главного входа, то ли слишком далеко от ближайшего служебного прохода с другой стороны зала.

Вековая пыль обильно покрывала паркетный пол, но менее скользким он от этого не стал. Этот нюанс был подмечен мной, только когда пришлось бежать по этому полу с боль-

шой скоростью. От падения меня спасали лишь набранный темп и везение. Становилось понятно, что приготовиться к стрельбе будет очень сложно, а за спиной с рычанием и каменным скрежетом в зал, словно танк, вползал сагар.

Не придумав ничего умнее, я просто упал на пол и скользнул по паркету между широко расставленными ножками станины. Уцепившись за ножки, мне удалось остановить свое тело. За счет острых шипов подошвы и общей массы станина сдвинулась лишь на пару десятков сантиметров.

Я рывком поднял тело на ноги и вцепился в ручки взведенного арбалета. Спусковой механизм был отдаленно похож на аналог в пулемете системы Максима.

Большие пальцы надавили на пластину спуска, как только прицел нащупал фигуру бешено скачущего сагара.

От того, что первая стрела просто скользнула по панцирю на груди зверя, меня бросило в жар, и тут же все тело сковал холод страха.

Ну куда же я полез!!!

Пальцы стали нажимать на спусковую пластину с бешеной скоростью. Вторая стрела угодила в живот зверя, открывшийся во время очередного прыжка. Третья пробила не защищенный панцирем тазобедренный сустав. Сагар рухнул на пол и заскользил по нему, как пару секунд назад это довелось проделать мне. На меня летела оскаленная пасть, в которую и вошла четвертая стрела. Увы, на пуск пятой времени не осталось. Все еще скользя по полу, сагар замахнул-

ся своей гигантской лапой, заставив меня инстинктивно рухнуть на колени.

И это было очень плохо. Когда от удара лапой массивный арбалет улетит вдаль вместе со станиной, мы окажемся с сагаром лицом к лицу, причем в прямом смысле этого слова. И это в таком неудобном положении! Несколько метров до узкого служебного прохода за спиной в такой ситуации превращались в сотни километров.

Руки среагировали на голых инстинктах, раньше шокированного мозга – пальцы вцепились в станину за миллисекунды до того, как мощный удар отправил всю конструкцию в полет. Руки не вывернуло из суставов только благодаря напряженным, как тросы, мышцам, но боль была запредельной.

Летели мы с арбалетом не больше пары метров, а затем заскользили по лакированному дереву паркета.

Судьба и создатель наделили мою персону кучей недостатков, словно компенсируя дар укротителя, но в этом наборе была еще одна деталь, которая открылась только в этом мире. Оказалось, что после приступа паники, который приходил до обидного быстро, у меня словно открывалось второе дыхание и сознание начинало работать с поразительной четкостью. Казалось, что разогнанный адреналиновой атаккой мозг замедлил течение времени.

Мы с арбалетом летели прямо в каменную стену, и с этим нужно было что-то делать. Чуть в стороне от предполагаемой

точки нашего финиша виднелся вход в еще один служебный тоннель – такой же узкий и высокий, как остальные. Раньше все эти червоточины главного зала гвардейского дворца были скрыты ширмами и гобеленами, но неумолимое время оголило все скрытое и завуалированное.

Решение пришло быстро, тем более что альтернативы не было – за спиной пыхтел раненый, но все еще резвый сагар.

Мощный рывок разделил наши с арбалетом траектории и...

Фукс – случайный шар – как бы сказал мой армейский друг, обожающий бильярд. Иначе и не назовешь, потому что в проем узкого прохода я влетел на чистом везении, которое тут же и закончилось. Проход был коротким, метров шесть, а затем шел резкий поворот, в который я и врезался. Перенапряженные руки не сумели смягчить удар, и не самая умная на свете голова с громким стуком влетела в каменную стену.

Все, гасите свет.

Сколько мне пришлось проваляться в беспмятстве – неизвестно, но, по крайней мере, после возвращения в этот суетный мир не могло не порадовать, что мое тело находится в пыльном коридорчике, а не в желудке сагара.

Кстати, как там мой неумный «друг»?

Сагар был недалеко. Точнее, рядом находилось тело уже мертвого зверя. Пущенные мной стрелы таки доконали самого сильного бни. И все же перед кончиной он сумел порезвиться. Вход в узкий коридор был разворочен метра на

два вглубь, и на паркете лежали вырванные из стен каменные глыбы. К тому же каменный пол в коридорчике был буквально вспахан когтями взбешенного зверя. И эта «пашня» заканчивалась буквально в метре от моих ног.

Ну и как теперь относиться к собственному везению? На голове шишка, внутри черепа плещутся боль и муть – явные спутники сотрясения мозга, но сагар так и не добрался до моей тушки. Чуть-чуть, но не добрался же!

Минут двадцать я пытался осмыслить свое место во Вселенной и Вселенную вокруг себя. Постепенно реальность упорядочивалась, и в голове наконец-то появилась первая разумная мысль.

И чего это вы, эрл Воронов, сидите?

Пока я тупо пялюсь на тело сагара, осиротевшая территория вместе с вождеденными яйцами может получить нового хозяина.

И все же, как бы ни поджимало время, я задержался над телом по-своему прекрасного монстра. Рука легла на темно-алый череп, над закрытыми глазами.

– Прости, во всем виновата моя жадность.

Мои слова были искренними, ведь никто не мешал обратиться с этого проклятого острова, прихватив собранные трофеи, но жадность оказалась сильнее.

Пока я добирался до выхода из дворца, головная боль вместе с тошнотой немного улеглись. Похоже, сотрясение если и было, то не очень серьезное.

Огромная площадь встречала меня гробовой тишиной, и только сейчас все окружающее встало перед моими глазами в истинном свете. Это был гигантский склеп – могила сотен тысяч людей и монумент погибшей цивилизации. Раньше страх воспринимал магические ловушки, хищные заросли и зверей как затаившуюся в засаде смерть. Но все же они были всего лишь стражами огромной могилы.

Переход по нижней части площади и подъем на полуразрушенную лестницу прошли спокойно. Впрочем, как и перебежка к облюбованной сагаром беседке, лишь нервы напряглись еще сильнее, а в голове тамтамом стучало сердце.

Некогда изящная беседка стараниями сагара превратилась в нечто готическое – всюду валялись кости, представленные в огромном ассортименте. Здесь были и останки хидоев, и массивные кости хах-коваев. Отдельной кучкой, словно в коллекции ценителя, валялись черепа и кости людей. Именно в этом оформлении и лежали яйца сагара.

Сначала я не заметил их на фоне желтоватых черепов. На удивление, они были не намного больше яиц хидоев.

Паранойя вопила мне в ухо о том, что счет пошел на секунды, поэтому нужно было максимально ускориться. Артефактные «авоськи» спутались в рюкзаке в один ком, так что пришлось потратить несколько драгоценных секунд на то, чтобы распутать три из них.

Первое яйцо я запихивал в сетку с камешками, задержав дыхание. Через секунду воздух покинул мои легкие с мучи-

тельным стоном – камни загорелись желтым светом.

Попытка номер два едва не заставила заорать от счастья – синее свечение внутри ранее прозрачных камней стало для меня знаком надежды.

Мироздание вновь выровняло шансы, когда третье яйцо оказалось негодным для инициации. И все же мне не хватило сил оставить эти яйца в костяном гнезде.

Привезу на материк, а там уж пусть хорохи думают, что с ними делать.

Мысль о нелюдях неприятно царапнула мозг, но была тут же отброшена – не до этого сейчас.

Вечер наваливался на мертвый город подсвеченными алым цветом тучами, делая его еще более зловещим, хотя куда уж больше... Ко входу во дворец я бежал словно спринтер, но ни после финиша, ни позже никто из окрестных обитателей не изъявил желание отомстить за смерть короля здешних мест.

Человеческую натуру изменить невозможно. Казалось бы, пару минут назад я клялся задушить подлую жабу собственными руками, но едва оказался в безопасности, это мерзкое земноводное расправило плечи и послало меня за тремя комплектами великолепной брони.

Кстати, в главном зале мне удалось найти всего два аналогичных первому головных обруча, что лишь подтверждало ценность этого предмета с пока неизвестными мне свойствами.

Наконец-то все трофеи были упакованы в девять сумок с амуницией хах-коваев и готовы к сплаву.

Первый опыт показал неправильность размещения трофеев – сумка ушла ко дну канала, и даже сильному течению удалось протащить ее лишь несколько метров. Пришлось переупаковывать, используя подручные материалы. Сумок получилось одиннадцать, но теперь каждая из них имела нейтральную плавучесть.

Что ж, пора. Наверху уже середина ночи, так что к Корабельному Острову я доберусь под утро, что очень даже неплохо.

Интересно, мои соратники успели выпить на поминках исчезнувшего в ловушках на смертельном острове товарища или еще ждут?

Первую сумку я столкнул в канал сам, а остальные полетели следом, увлекаемые общим канатом. У меня, конечно, были сомнения насчет крепости древнего шелкового шнура, зато не было выбора. Выдержав небольшую паузу, я шагнул следом за грузом.

Обратный путь был даже увлекателен. В свете магического фонаря удалось неплохо рассмотреть структуру канализации. Какой-то особо утонченный сантехник оформил стены витиеватыми узорами и надписями на языке хорохов.

Течение несло меня вниз, и, находясь под водой с запасом воздуха, магическим светильником и в просветленных очках, в отличие от предыдущего сплава, мне удавалось удерж-

жать тело в центре потока, не сталкиваясь со стенами. Был немного опасный участок, когда поток нырнул в трубу, но и там удавалось как-то контролировать процесс.

Наконец-то течение вынесло меня на просторы подводного ущелья. Пришлось немного поволноваться, выискивая уплывшую вереницу сумок, которая все же разделилась на две части.

Гоняться за грузом по заводи без ласт – не самое легкое занятие, и на него были истрачены масса сил и практически весь запас воздуха.

Собрав сумки, я немного подумал и все же решил не тащить все на Корабельный Остров. Мои соратники мне, конечно, глубоко симпатичны, но груда золота иногда превращает в монстров даже самых милых людей и верных друзей. Сумки я затолкал в вертикальную щель в скале и, как мог, заклинил их там. Туда же отправилась моя старая куртка с новым амулетом. Зато из временного схрона ко мне вернулись разобранный нагината и хербаты.

Что ж, теперь следует заняться транспортом. Приманиванием акаяси удобнее всего было заняться, сидя на знакомой до боли в пояснице скальной полке.

Ближайший акаяси, судя по сонному состоянию, уже готовился отойти ко сну, что ввиду приближающегося утра было неудивительно. Пришлось растормошить несчастного угря-переростка и «попросить» его подкинуть меня к людскому поселению.

Запрягать акаяси во второй раз получилось значительно лучше.

Ночной мрак постепенно начал сереть, заставляя россыпь звезд терять свой блеск. Под замершим на границе ночи и дня небом плыли два сонных существа, и каждый мечтал побыстрее уснуть. Так что быстрое передвижение было выгодно нам обоим. Расслабленность от близости финиша едва не сыграла со мной злую шутку. На подходе к скоплению кораблей акаяси внезапно вышел из-под контроля и едва не цапнул меня зубами. Пришлось жестко вернуть себе контроль и сделать это довольно болезненно как для себя, так и для зверя.

По нашей договоренности Граннус оставил на корме гостиничного судна синий фонарь. Наружное освещение на Острове в основном производилось за счет бумажных фонарей китайского типа. Чаще всего бумага на них была белого и желтого цвета. Кабатчик внес разнообразие в эту гамму, тем самым указав мне путь «домой».

Акаяси наконец-то получил свободу и резко ушел на глубину. Возможно, зло на меня он выместит на ком-то из мародеров. Впрочем, это их личные проблемы, а если пострадает кто-то из команды Золотого, это меня даже порадует.

Сняв с себя все тяжелые вещи, я привязал их к упряжи акаяси и подвесил на тонкую бечевку, но не добытую во дворце, а выданную Граннусом.

Было желание оставить в воде и нагинату, но тут вмеша-

лась проснувшаяся паранойя. Причем она не желала успокаиваться, даже когда над головой замаячила выступающая над кормой кабинка.

В голове мелькнула дикая мысль о том, что будет не очень приятно, если кабатчик уже похоронил меня и разрешил постояльцам пользоваться кормовым сортиром. Точнее, это мне будет просто неприятно, а вот с присевшим по нужде постояльцем может и инфаркт случиться.

Хмыкнув, развеселенный этой мыслью, я неожиданно застыл. По спине пробежал морозец.

За последние недели звуки Корабельного Острова стали для меня достаточно привычными, и «неправильность» ощущалась сразу.

Сокровища с Хоккайдо впрыскивались в небольшую общину с завидной регулярностью, и так же постоянно подновлялась атмосфера страха. Ведь с берега возвращались в лучшем случае четверть мародеров. Сокровища расползались по Острову вместе с чувством обреченности, которое нужно было чем-то заглушить. Поэтому кабаки работали круглосуточно. Кто-то постоянно орал, пел и дрался. Особенно в «Пьяном крабе» и корабле-гостинице. А сейчас на этом участке плавучего острова царил мертвая тишина.

Лезть в тесную будку сразу перехотелось. Привязанная к поясу веревка полетела вниз, а я, по-прежнему цепляясь за скобы рулевого крепления, полез на надстройку кормы.

Когда-то здесь была палуба, но, поменяв статус, судно

изменилось и внешне. На палубе были выстроены дополнительные помещения, более приличествующие какому-нибудь городку на берегу. Даже крыши на этих строениях были покатыми на случай дождя. На такую покатую крышу мне и пришлось вылезать, с небольшой задержкой на фальшборте кормы, чтобы собрать нагинату.

В голове только начало зарождаться недоверие к доводам паранойи, и тут в мою сторону скользнула темная фигура. Отработанным на многочасовых тренировках в школе поводирей движением я ушел с траектории атаки, раскручивая в воздухе нагинату. Два шага вперед, резкий удар – и на крышу упало уже мертвое тело, заливая доски кровью из разрубленной головы.

Внезапно на соседнем судне вспыхнули яркие лампы, и, словно в кино про пиратов, на свисающих с мачт канатах ко мне полетели десятки людей.

Это слишком круто даже для Золотого. Ничего хорошего меня на Корабельном Острове уже не ждало, и лучше я попробую доплыть до материка на акаяси, чем останусь здесь.

Ближе всего ко мне была корма. Первого соперника я просто толкнул поставленным горизонтально древком нагинаты. Второго наотмашь рубанул лезвием.

Увы, третьего так и не достал, а ведь планировал улететь в воду вместе с ним. Вдруг что-то обхватило мои ноги, а затем я почувствовал болезненный удар по коленям. Взгляд вниз показал, что это простейшее боло. Падение на крышу было

очень неприятным, но скатиться по покато́й крыше в проем между судами мне не дали. Сверху меня сначала накрыла сеть, а затем мрак, потому что на уже и так пострадавшую голову опустилась дубинка...

Очнулся я в крайне неудобной позе. По телу пробежал мерзкий холодок страха. И было от чего. Меня подняли на самую настоящую дыбу – ноги были привязаны к кольцам в полу, а руки связаны за спиной и подвешены на веревке к таким же кольцам в потолке. Пока пропущенная через примитивный блок веревка не была натянута, но что-то подсказывало мне, что это продлится недолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.